

Альберт Иванов

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Хомы и Суслика

Альберт Иванов

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ *Комы и Суслика*

МИНСК
БелАДИ МИНСКАЯ ФАБРИКА
ЦВЕТНОЙ ПЕЧАТИ
1997

ББК 84Р7
И 19
УДК 882

Художник *А. Бушик*

ISBN 985-6319-03-X (БелАДИ)
ISBN (МФЦП)

© А. Иванов, 1996
© Оформление. А. Бушик, 1996

КАК ХОМА С ГУСЕМ ЛАПЧАТЫМ РАССТАЛСЯ

Давно это было. Два года назад. Много воды с тех пор в ручье утекло.

Пришли тогда Хома-хомяк и его лучший друг Суслик на берег ручья отдохнуть. Как раз дождик прошёл, солнце выглянуло. Ветки ивы блестят. Травинки, сбрасывая капли, выпрямляются. Всё цветёт и благоухает.

Глядят Хома и Суслик, а в заводи Гусь плавает. Большой и важный. И в воде красиво, вниз головой, отражается. Загляденье.

Поздоровались с ним, конечно, приветливо.

— Эй, привет! — крикнули они.

— Эй, привет! — тоже приветливо откликнулся он.

Плавает Гусь и почему-то ко всему присматривается. Внимательно. Как бы по-хозяйски.

Это Хому немного насторожило.

— Вы местные? — внезапно спросил Гусь.

— Даже очень местные, — поспешно сказал Хома. — Мы здесь очень давно живём!

Он опасался, что незнакомец Гусь на их места вдруг позарится. На любимую заводь, на тёплый песчаный бережок.

Предчувствие его, к сожалению, оправдалось.

— Хочу всю стаю сюда привести, — довольно гоготнул Гусь. — Неплохо тут у вас!

— Без вас, — подтвердил Хома. — Без вашей стаи!

— Один плавай, так и быть, а других не зови, — спокойно поддержал его Суслик.

— У вас не спросился! — прошипел Гусь.

Вот когда он себя показал, свой норов.

— Индюк надутый! — не остался Хома в долгу.

— Я не Индюк, — оскорбился Гусь. — Я другая птица!

— Сами видим, какая ты птица. Хорош гусь! — сказал Суслик.

— Все так считают, — напыжился Гусь. — Я своих гусынь сюда приведу сегодня, — пообещал он и вроде бы небрежно спросил: — А хорьки тут случайно не водятся?

Суслик, простофиля, сразу проболтался:

— Они далеко, около деревни, живут, кур таскают.

— И не случайно сюда забегают, — тут же хитро ввернул Хома.

Но Гуся нелегко было обмануть.

— Меня не проведёшь. Я стреляный. В меня однажды стреляли, — гордо пояснил он.

— Куда попали? — хмуро поинтересовался Хома. — В голову?

— Я вёрткий, — не оценил его тонкого замечания Гусь. — Промахнулись.

— Жаль, — буркнул Хома.

— Что? — не расслышал Гусь.

— Я говорю, у нас здесь тоже охотники шастают, — повысил голос Хома. — С двустволками!

— С трёхстволками, — поправил Суслик.

Он только до трёх считать умел. А то бы такое выдал, что Гусь, возможно, перевернулся бы прямо на месте. Лапами вверх!

Но Гусь действительно оказался стреляный. Опытный и глазастый.

— Неправда, — заявил он. — Нигде по берегам пустых гильз не видно. Нет здесь никаких охотников!

И опять раскатисто, довольно загоготал.

— Неужели я сладкое гусиное пение слышу? — кто-то жарко задышал в кустах позади Хома.

Он обернулся. Так и есть, Лиса!

Но Хому до того спесивый Гусь довёл, что он даже забыл про свою безопасность. А уж про Сусликову — и подавно.

— Зато у нас Лиса есть! — во всю мочь завопил он. — Вот она, вот она, родимая! — пытался он раздвинуть ветки кустов, которые ошалевшая Лиса со своей стороны задвигала. — Вот где она прячется, Лисуля наша!

— Здорово у тебя выходит, — удивился Суслик, он-то ничего о ней не знал. — Вовремя ты про Лису вспомнил, — похвалил он друга.

Однако напрасно старался Хома. Что Гусю ни доказывай, с него как с гуся вода.

— Не ври! — гордо отвернулся тот.

— Я не вру, не вру! — чуть не плакал Хома. — В кустах она прячется!

А Лиса угрожающе шептала сзади:

— С ума сошёл! Не спугни птичку!

— Ну, ладно, — сдался Хома и пригрозил Гусю: — Пусть тебе будет хуже. Ты ещё узнаешь нашу Лису!

Гусь только крылом небрежно махнул.

— Кроме этого ручья, у вас тут ничего путного нет. В вашем бедном краю даже захудалую Лису не встретишь.

Что там Хому, он даже Лису довёл до иступления!

Такого Лисьего прыжка Хоме и Суслику не скоро узреть доведётся. С криком: «Это я захудалая?» — она перенеслась на тот берег над потрясённым Гусем, выдрав у него на лету полхвоста.

Гусь так неистово забил крыльями по воде, что ручей вышел из берегов. А затем тяжело взмыл в небо, роняя перья.

Летел и оглядывался, поджимая свои красные лапы.

— Скатертью дорога, Гусь лапчатый! — крикнул ему Хома вдогонку.

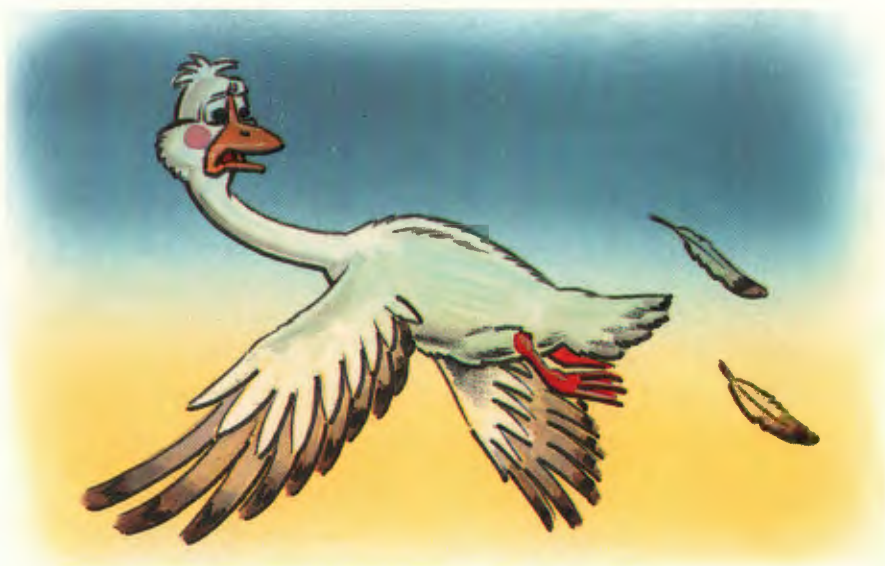
— Узнал, какая у нас Лиса?! — вторил ему ошеломлённый Суслик.

— Здорово вы его отбрили, — тяжело дыша, похвалила их Лиса с другого берега. — Подождите меня немножко, дайте дух перевести, — умильно попросила она.

Но Хома с Сусликом тоже были стреляные, хотя в них никогда и не стреляли. Не настолько они глупые, чтобы дожидаться Лису, упустившую Гуся.

Пока она с новыми силами собиралась — ещё бы, так прыгнуть без разбега! — они уже дома были.

Больше в их бедные, захудалые края гуси не залетали. Видать, тот, лапчатый, растрезвонил по всему свету, что сюда лучше не соваться. Опасные жители здесь обитают. Очень местные!

КАК ХОМА ДРУГА ВЫРУЧИЛ

Откуда Хома узнал эту мудрую пословицу — неизвестно. Вот она: «Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, а ужин отдай врагу».

То ли от птиц перелётных услышал, то ли ветер нашептал, то ли Суслик вскользь обмолвился. Но всё равно — красиво звучит. Гордо. И даже научно.

Крепко это запало Хоме. Стал он теперь жить по-новому. Завтрак сам съедал, обед делил с лучшим другом Сусликом, а ужин отдавал врагам. Ну, Лисе там или Волку.

Не напрямую отдавал, конечно. Просто относил свой ужин, добрую горсть гороха, в укромное место на поляне в роще. Враги найдут!

Иногда по утрам, когда на завтрак ничего не было, ходил проверять: не осталось ли на поляне хоть что-то от вчерашнего ужина. И каждый раз — пусто, ни горошинки. Ясно, враги взяли. Кто ж ещё!..

— Ты чего-то худеть стал, дружок, — беспокойно прищелкнул к нему Суслик, зайдя как-то в гости.

— А ты тоже делись своим обедом с другом — со мной, — уточнил Хома, — и тогда я на тебя посмотрю.

— Я и без того худой, — отказался Суслик. — Только и поправился теперь немножко.

— Немножко? Вон какой гладкий, — мрачно сказал Хома, — на даровых кормах.

Суслик и правда заметно округлился.

— Зато ты сейчас здоровее меня, потому что живёшь правильно. По правилам живёшь. Полезные правила! — восхищённо покрутил головой Суслик.

Хома усмехнулся.

— Для кого — полезные? Для тебя?

— И для меня, и для тебя. Завтраком ты ведь со мной не делишься? Сам съедаешь?

— Когда он бывает, — уныло ответил Хома и вдруг воодушевился: — По справедливости, свой завтрак ты должен мне отдавать!

— Это не по правилам, — внушительно произнёс Суслик.

— Но ведь не сказано, чей завтрак я должен съедать сам.

— Но и про чужой завтрак ничего не сказано, — испугался Суслик не только за свой завтрак, но и за сытные Хомины обеды. — А вот про обед совершенно точно го-

ворится: подели с другом. Взялся жить по-новому, так и держись.

— Я и так еле держусь. Ветром шатает.

— Ну, это уж не моя забота, — заметил неблагодарный Суслик.

— Друг, называется, — осудил его Хома.

— Конечно, друг, раз ты делишься обедом со мной, а не с чужим дядей.

— Не знаю, не знаю, — проворчал Хома. — Может, чужого-то дядю накормить легче, чем тебя. Не так разорительно. Он, может, постесняется. А ты за двоих лопаешь!

Суслик тут же посмотрел в окошко на солнце — не приблизилось ли оно к зениту.

— Кстати, — оживился он, — время обеда подходит. Что там на сегодня приготовлено? — как бы между прочим спросил он.

Хома жалобно вздохнул.

— Гороховая похлёбка... — нехотя ответил он.

— А на второе?

— Тушёные коренья...

— А на третье? — потребовал Суслик.

— Морковный чай, — тяжко вымолвил Хома.

— Морковный? Хорошо, — кивнул Суслик. — А салат? — встрепенулся он. — Про салат забыли! Какой же это обед с лучшим другом без салата?!

— Клеверные листочки подам, — снова вздохнул Хома.

— Опять? — возмутился Суслик. — Запомни, настоящие званые обеды — с другом! — должны быть обильными и, главное, разнообразными, а не повторяться, как погода. Что у тебя, выдумки нет?.. Так и быть, хочешь я сам тебе буду обеды заказывать?

— Обойдусь, — обиделся Хома. — Нашёл, кого учить!

И предложил ему вместо клеверного фруктовый салат из яблок-дичков.

— Могу быстро приготовить.

— Фи! — поморщился Суслик. — Я дички не люблю. Они кислые.

— У меня своего сада нет, — подчеркнул Хома.

— А ты посади, — посоветовал Суслик. — Пусть растёт.

— Сколько ж лет ты собираешься у меня обедать? Пока яблоки не появятся?! — пришёл в ужас Хома.

— Дольше, — твёрдо сказал Суслик. — Всю жизнь. Ахнешь!

— Угу. Тебя по макушке, — угрюмо взглянул на него Хома, — если ты не замолчишь. Ешь, что дают, — прикрикнул он, — привереда!

— Ты только успокойся. Перед обедом вредно волноваться для желудка.

— Во-во, для твоего. Может, тогда меньше съешь.

— За меня не волнуйся, — погладил своё заметное брюшко Суслик. — Я за тебя волнуюсь. В конце концов ты худеешь, а не я.

— Ты потому толстеешь, что два обеда съедаешь, мой и свой!

Суслик, протестуя, выставил ладошку вперёд.

— Не прибавляй. От твоего обеда мне достается только одна половина.

— А ты хотел бы две!..

Долго бы Хома друга обедами кормил, а ужины врагу отдавал, но неожиданно всё прекратилось.

Однажды Хома решил проследить, кому же его вкусные ужины достаются.

Затаился вечером в кустах и смотрит на то место, где гороховые стручки оставил.

Луна траву серебрит. Тихо вокруг...

Внезапно луну заслонило облако, и стало темно, как в норе.

А когда луна снова выглянула, Хома вдруг ясно увидел... Суслика! Лучший друг, озираясь, жевал оставленный врагу горох. Да так, что за ушами трещало!

— Попался!!! — закричал Хома не своим голосом. Настолько жутким, что сам испугался.

А про Суслика и говорить нечего. До небес взвился и без чувств хлопнулся!

Хотел было Хома оставить его, Суслика, на ужин врагу. Той же Лисе или тому же Волку. Да пожалел. Всё-таки недавно другом был, обед пополам делили.

Привычно вздохнул Хома и поволок Суслика за ноги домой. На спину его себе не взвалишь — неподъёмный.

Отъелся дружок на чужих харчах, на званых обедах и незваных ужинах!

По пути Суслик очнулся и, не зная, кто его тащит, тоненько заголосил:

— Несёт меня Лиса в далёкие леса... — Видать, слегка свихнулся со страха.

И так смешно тут стало Хоме, что он его сразу простил и невольно откликнулся:

— Несёт тебя Хо́ма, скоро будешь дома!

С того дня — вернее, ночи — Хома больше никогда не делился обедом с другом. Всё съедал сам подчистую: и лёгкие завтраки, и сытные обеды, и вкусные ужины. Если, понятно, было что поесть.

Напрасно Суслик оправдывался, приводил хитроумные доводы. Ведь если он как враг поступал, присваивая чужие ужины, то, значит, всё справедливо — по правилам. Да ещё он мог и не знать, чей это горох.

Но кто ему поверит?..

И вообще он должен быть благодарен Хоме — всю жизнь. Если б не Хома, достался бы он на ужин врагу.

КАК ХОМА ШЛЯПУ НОСИЛ

На лугу её Хома нашёл. Шляпу. Жёлтую, соломенную!

Может, кто-то оставил, забыл, потерял. Или где-то с огородного пугала ветром сорвало.

Но, в общем, приличная шляпа, даже не дырявая. Для пугала, пожалуй, слишком хороша. Конечно, её какой-то растяпа забыл на лугу.

Суслик, тот утверждал:

— Наверное, она кому-то мала оказалась. Вот и выкинули.

— Кому мала, а кому...

— Велика! — перебил Хому Суслик.

— ...как раз, — закончил Хома.

И лихо набросил её на себя. Она его сразу всего накрыла. А затем, словно сама по себе, пошла, раздвигая траву.

Из шляпы бойко доносилось:

— Неважно, кто её носил. Теперь я носить буду! Мало ли кто в ней был. А теперь я в ней буду!

— Так и будешь под шляпой ходить? — засмеялся Суслик.

— Учти, ходят только под шляпой, — невозмутимо отозвался Хома. — Не по шляпе же, балбес.

— А ещё в шляпе! — попенял Суслик.

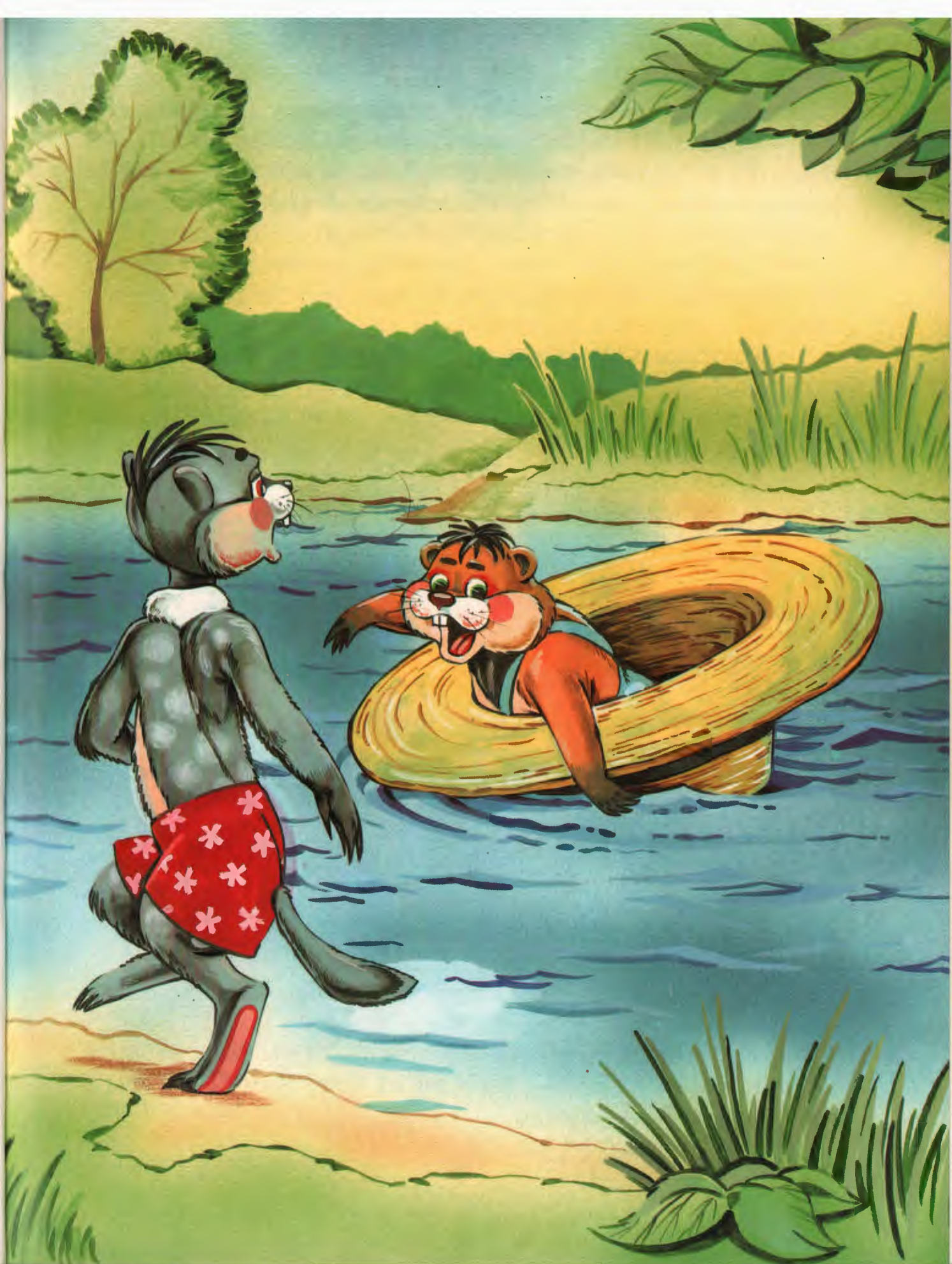
— Не то что ты. Не по Суслику шляпка!

— Да тебе же оттуда ничего не видно.

— Видно, — упорствовал Хома, — отсюда. В щёлочки между соломинками.

— Всё равно неудобно!

— Удобно. Солнце не так печёт. И здороваться теперь

удобней, — Хома слегка приподнял шляпу. — Привет!

— Привет, — машинально ответил Суслик.

— То-то! В ней что хочешь делать можно, — вслух размышлял Хома. — Гулять себе на здоровье. Прятаться от Коршуна. Плавать в ней тоже можно.

Он подбежал вместе со шляпой к ручью. Перевернул её, оттолкнул от берега, прыгнул в неё и поплыл. Как в лодке, с удобными бортами.

— Протекает немножко, для прохлады, а так вполне годится, — довольно определил он.

— Можно и я к тебе прыгну? — позавидовал Суслик.

— С разбегу?

— Ага.

— В свою прыгай!

— Жалко, да? — расстроился лучший друг Суслик.

— Жалко. Шляпу жалко. Ещё потонет. Она точь-в-точь только на меня рассчитана. Мой размер!

Ловко загребая лапами, Хома поплыл, красуясь, вниз по ручью.

А Суслик побежал следом по берегу.

Хома ловко причалил к песчаной косе. Вытащил шляпу из воды и снова перевернул.

— Пусть подсохнет, — заботливо сказал он. — Решено, я под ней всегда ходить стану!

— От ворон береги, — мрачно посоветовал Суслик. — А то прошляпишь. Унесут и гнездо из неё сделают!

— Они могут, — оглядываясь, забеспокоился Хома. — Я об этом и не подумал.

— Эх ты, шляпа! — хихикнул Суслик.

Хома поскорей нырнул под шляпу и заспешил домой. Суслик — за ним.

— Не забудь, я теперь в шляпе, и ты мне во всём подчиняться должен! — твердил на ходу Хома. — Теперь всегда позади меня ходи.

— Умный, шляпу надел!.. Гляди, отберут вороны, — упрямо пророчил Суслик, легко обгоняя Хома.

И внезапно — не иначе, Суслик накаркал! — Коршун их заметил. Возник над ними в небе неизвестно откуда.

Вообще-то он одного шустрого Суслика углядел. Но тот мигом успел в норе скрыться.

— Спасайся! Коршун! — глухо донеслось оттуда.

А Коршун низко парил и недоверчиво смотрел на бегущую по траве шляпу.

Хома наконец удачно рухнул в свою нору. А шляпа вход накрыла.

Он рывком втащил её внутрь. И, посмеиваясь, представил себе, какой сейчас глупый вид у грозного Коршуна. Невиданное событие: шляпа сама по себе по лугу бежала и в нору забралась!

Просто замечательная находка!

Однако на следующий день Хома заявился к Суслику без шляпы.

— А я уже и крючок у входа вбил для твоей обновки. Где же она? — удивился лучший друг.

— Дураков нет, — нахмурился Хома. — А вдруг Коршун по пути отнимет и в моей шляпе летать будет?!

— Верно, — охотно согласился Суслик. — Лучше её совсем выбросить.

— Тогда Коршун и подавно будет в шляпе! Или она завидующим воронам достанется. Сам мне все уши прожужжал!

— И что теперь делать? — посочувствовал Суслик.

— А ничего! Пошли со мной, — почему-то рассмеялся Хома.

Пришли они к Хоме. Суслик так и замер...

Оказалось, Хома эту шляпу вместо кровати себе в норе приспособил.

— Видал! — Он вальяжно разлётся в ней, раскинув лапы.

— И дело в шляпе! — ахнул Суслик.

— Нет, — строго поправил его Хома. — И Хома — в шляпе!

Везучий он, Хома, что ни говори.

КАК ХОМА ТВОРИЛ

Любил Хома на песчаной косе у ручья загорать.

Вообще-то он не столько загорал, сколько грелся на солнышке. Но и загорал — шубка-то ведь выгорала от солнца.

Лежишь себе спокойненько, в ус не дуешь. А если что́, птицы об опасности сразу предупредят. Им далеко видно. Если вдруг Лиса появится, они тут же раскричатся, расшумятся — успеешь вовремя ноги унести.

Хорошо на песочке лежать. На тёплом, сыпучем, мягком. А у самого берега песок сырой, плотный. На нём можно, что хочешь, палочкой рисовать.

Лежишь на сухом песке, а на мокром — рисуешь. Лучшего друга Суслика, старину Ежа, Зайца-толстуна...

На придирчивый взгляд Хома, рисунки у него получались просто замечательные. Тот же Суслик выходил такой страшный, как живой. А про Зайца с Ежом и говорить нечего — в кошмарном сне не увидишь!

А друзья придирались. Возмущались. Спорили.

— Непохоже, непохоже, непохоже! — каждый раз кричали они и стирали нарисованное.

Возможно, боялись, что рисунки здесь навечно останутся.

А того они не понимали, что Хома старался, как мог. Он, наверно, ещё рисовать как следует не наловчился. Но они и подправить рисунки ему не давали. Как увидят, стирают.

Разве можно творить в таких условиях! Всякое желание пропадает. Возможно, он, Хома, хочет художником

стать. А никакой тебе поддержки, никакой похвалы, никакого сочувствия!

Ты рисуешь, они стирают. И всё тут.

Правда, привереда Суслик неплохой совет всё-таки дал. Один. По-дружески. Видать, совесть проснулась.

— Лучше бы ты врагов рисовал! — посоветовал Суслик. — У тебя получится, — заверял он, стирая ногой своё новое страшное изображение.

И что же? Нарисовал ему Хома Лису. Вышло и впрямь очень хорошо: коварная остроносая Лиса, вся жёлтая — на жёлтом песке.

А капризный Суслик внезапно разобиделся:

— Её-то вон как похоже рисуешь!

— Сам же просил — рисовать врагов лучше, — любовался Хома своим творением.

— Я так сказал? — опешил Суслик.

— Ну да. У меня память хорошая. Ты сказал: «Лучше бы врагов рисовал!» — напомнил Хома. — Я и старался Лису получше изобразить.

— Не прикидывайся! Не путай меня! Признавайся, боишься её? — пристал к нему Суслик.

— Ну, боюсь, — признался Хома.

— Поэтому и нарисовал Лису хорошо. А меня боишься? — вытаращил глаза Суслик.

— Не-а, — мотнул головой Хома. — Всё равно не боюсь.

— Вот почему ты меня плохо рисуешь!

— Неужели поэтому?.. — изумился Хома.

— Конечно! А ну-ка попробуй теперь Волка нарисовать?

Нарисовал Хома Волка. Рядом с Лисой. И опять вышло хорошо. Да что там хорошо, — потрясающе!

Суслик даже затрясся от страха, увидев на рисунке оскаленную волчью пасть. Хома вместо зубов осколки речной ракушки вставил. Устрашающее сверканье!

— Убедился? — пришёл в себя Суслик. — Кого боишься, того и рисуешь хорошо!

— Просто ужасно вдохновение нашло, — пожал плечами Хома.

А про себя удивлялся: «Что ж это получается? Друзья не получают, а враги получают!»

Так и разошлись они по домам, размышляя над ужасными тайнами вдохновения. А те рисунки, Лисы и Волка, остались на песке. Суслик стирать их не стал. Лапа на такое не поднялась!..

Зато их потом Волк и Лиса стёрли. Случайно нашли.

Об этом Хоме белобокая Сорока донесла, протараторила:

— Как бешеные песок скребли!

Вот и попробуй угоди. Хорошо нарисуешь — тоже плохо. Не нравится.

Думаете, после этого Хома творить перестал? Ничего подобного!

Сам рисовал, и сам стирал. Лучше уж рисовать и стирать, чем не рисовать вовсе!

КАК ХОМА И СУСЛИК ПУТЕШЕСТВОВАЛИ

— **Т**ы любишь путешествовать? — спросил Хома лучшего друга Суслика.

— Очень! Только я никогда не пробовал, — привычно ответил Суслик.

— Тогда в путь! Будет что вспомнить! Быстренько собирайся в большое плавание. Запас питания на два дня.

— На обоих? — предусмотрительно спросил Суслик.

— На одного, — строго сказал Хома. — Поэтому и про меня не забудь. Бери вдвое больше!

Дело в том, что на днях к песчаной косе у ручья вдруг надувную лодочку принесло. Отличную. Яркую.

Очевидно, с ней дети где-то, выше по течению, играли. И доигрались. Но и то хорошо, что она не пропала. Хоме досталась.

И вот, весело пустились Хома и Суслик на лодочке в плавание. В большое, дальнее. На мир посмотреть и себя показать.

Сам Хома на носу лодки кое-как устроился. А Суслика заботливо на корме поместил, с шестом — длинной и крепкой палкой. Так и быть, пусть всё время отталкивается. Ни за что не соскучится!

Для себя Хома оставил самое трудное: глядеть в оба, за двоих, и зычно командовать.

— Куда правишь, растяпа!.. Да не туда, а вон туда!.. Так держать! — разносилось по ручью.

Но так только поначалу было. Вскоре течение вынесло лодочку на самую середину широкого ручья. И она поплыла сама по себе.

Умолк Хома. Притих Суслик. Красота вокруг!..
Жёлтые кувшинки распластали на воде ту-
гие большие листья. Такие большие, что
на таком листе даже Хома вполне раз-
местился бы — лёжа!

Острая осока по-комариному
звенела на лёгком ветру.

Высоченный тростник
шелестел своими ме-
тёлками, словно
подметая, и
без того
чистое,

но-
венькое
голубое небо.
Синие глазас-
тые стрекозы низко
висели в воздухе, ше-
лестя прозрачно-жёлтыми
крыльями, пронизанными
сетью мельчайших жилок. И
что интересно, у каждой расфуфы-

ренной стрекозы — по четыре крыла. Наверняка по два запасных!..

— Видал? — Хома внезапно уставился в воду, наклонившись с лодки.

— Видал, — тоже наклонился Суслик. К счастью, в другую сторону. А то бы опрокинулись!

Бронзовые жуки-плавунцы шныряли под водой, ловко загребая ногами, как вёслами.

— Какие прыткие! — восхитился Суслик.

— Зато ты — лентяй, — пробурчал Хома. — Отталкивайся!

— Глубоко, — показал шестом Суслик. — С ручками!

— С ножками, — тут же отозвался ворчун Хома. — С ручками, с ножками, с ушами и с носом! Ты всегда причину найдёшь, чтобы отдохнуть.

— Глянь! — вскрикнул Суслик.

По дну ручья ползли усатые серо-зелёные раки. Задом наперёд. И беззвучно клацали клешнями, как ножницами. А вокруг них извивались, раскручивались по течению длинные водоросли. Вероятно, раки дно подстригали.

Вдруг послышался птичий гомон.

Хома и Суслик подняли головы.

Белогрудые ласточки стремительно влетали в изрытый норками обрывистый берег и так же суматошно вылетали оттуда. Они будто плясали над ручьём и длинной полосой рябили гладкую воду.

— Ну и кутерьма! — поразился Суслик. — И как они только не сталкиваются!

— Видят хорошо, — фыркнул Хома.

Лодку несло всё дальше.

Нарядный, тёмно-голубой и солнечно-рыжий, Зимородок гулко бухнулся с чёрной коряги в ручей. Выхватил блеснувшую рыбку и скрылся.

— Во даёт! — снова изумился Суслик.

— Не даёт, а берёт, — поправил его Хома. — Берёт, хватает, ловит!

— Я и говорю — даёт.

— Кому? — рассмеялся Хома. — Тебе?

— Себе!

— Тогда так и говори: «Во даёт себе!» Кстати, дай чего-нибудь пожевать. Мне, — уточнил Хома.

Суслик и себя бы не обделил. Но...

— Забыл! — внезапно вскричал он.

— Что?

— Припасы взять, — еле слышно вымолвил Суслик.

Домой возвращались по берегу. Лодку пришлось бросить. Слабосильный, голодный Суслик не мог выгresti против течения.

А ведь Хома ему наказывал — взять запас питания на два дня. Для двоих! А тот и для одного не взял. Даже на один-то день!

Трудным путь домой оказался. Дремучие кусты, коряжник, камыш, осока... Да мало ли каких преград по берегу понаставлено! Это с лодочки на всё приятно смотреть, когда мимо плывёшь. А здесь шестом не оттолкнёшься!

Хорошо, что живыми добрались.

Вот так-то. Так-то вот.

Разве можно с ним, Сусликом, в путь отправляться? Да ещё в дальний! С ним бы только по его норе путешествовать. По его собственной. Мимо кладовочки с припасами.

Конечно, в том дальнем плавании они могли бы останавливаться и пищу по берегам искать. Да неизвестно, найдёшь ли, а вот время точно потеряешь.

Нет, нельзя с Сусликом пускаться в дальнее плавание. Только в ближнее. Что и случилось.

Другая надувная лодочка теперь не скоро приплывёт. Жди-дожидайся...

Одни воспоминания о путешествии и остались. А всё равно приятно. Себя не показали, но хоть на мир посмотрели. Всего на краешек. Зато какой!

КАК ХОМА БУДУЩЕЕ ПРЕДСКАЗАЛ

Собрались местные хищники — Волк, Лиса и Медведь — на дружескую вечеринку. В роще.

Что-то там не поделили и в сердцах решили тогда всё поделить.

Раз они самые сильные, хитрые и зубастые, давай-ка, мол, разделим всё вокруг. На троих. И рощу, и луг, и поле, и то, что за ним. И даже ручей. Вместе с единственной полузатопленной лодкой-плоскодонкой.

Поспорили жарко, конечно, пока делили. Поцапались. Оплеух друг дружке понадавали — не без этого.

А так, в общем-то, мирно вся делёжка прошла. Без кромешной драки.

Затем по своим логовам разошлись. Все трое.

На другой день главная Ворона о принятом в роще решении повсюду прокаркала.

Те, мол, кто тут-то и там-то живут, под власть Медведя переходят. Другие — под законы Волка, ну, под Волчью законность. А третьи — под власть Лисы подпадают.

Даже не по разным породам весь животный мир разделили, а лишь по местам, где кто живёт, обитает.

Самая большая неразбериха с птицами вышла. Они ж, где хотят, там и летают.

Волк, тот сразу и весь воздух над своими владениями тоже своим объявил. И того, кто, дескать, над ними пролетать вздумает, он сбивать будет. Из большущей рогатки, натянутой меж двумя берёзами.

Короче, постаралась эта троица, кто во что горазд!..

Всем несладко пришлось.

Так вышло, что нора Хома очутилась во владениях Волка. А нора Суслика — на Лисьих угодьях.

Как тут жить? Как пить и кормиться?

Где зерно собирать и где горох рвать?

Где в ручье пить и купаться?..

Ручей-то ведь хищники тоже поделили. Верховье досталось Медведю, середина — Лисе, а низовье — Волку. А та полузатопленная плоскодонка вообще оказалась частично Медвежьей, а частично — Лисьей.

— Такое и в дремучем сне, как говаривал мой дядюшка, не приснится, — сказал Хома лучшему другу Суслику. — Подремонтировали бы лодку и плавали бы вдвоём. Красота!

— Тогда она вконец затонет, — возразил Суслик, — если Медведище на её корму усядется.

— Пусть он посередине за вёсла сядет, а Лиса — на корме с рулевым веслом.

— Да разве ж он ей доверит рулить?! — изумился Хома такому невежеству.

И впрямь безвыходное тут положение. Выходит, уж лучше пусть эта лодка ничейной станет и затонет полностью. Прямо на месте. Там, где стоит. Не так обидно будет Лисе и Медведю.

А пока они каждый на ней как бы по своему флагу подняли.

Медведь на её носу — к длинной жерди берёзовую ветвь прицепил, а Лиса на корме — каштановую ветку к сухой кривой палке. На всякий случай старались. Мало ли что!..

Теперь повсюду — новый порядок. Всё поделено. Всё к загребушим лапам прибрано. Всё вокруг размечено — колышками ограничено. Волк те колышки зубами затачивал, Лиса ставила и держала, а Медведь лапой с маху вбивал. Жаль, ни разу не промахнулся.

Иные колышки кое-где аж полностью в землю ушли. От Медвежьего-то удара!.. Про те «забитые» места сразу местная живность пронюхала и давай шнырять — туда и сюда. Бесконтрольно пока. Моментом пользовалась.

И, конечно же, такая путаница из-за этих границ получилась. Великое неудобство!

Вот хотя бы Заяц-толстун. У него братьёв, сестёр и сватьёв — не счесть. По всей округе разбросаны. А как им в гости, родне к родне, ходить? Всегда у всей хищной троицы разрешения спрашивать?!

Ну, ладно. Пойдёшь за разрешением к той же Лисе, а она вдруг возьмёт и без всякого разрешения тебя слопает! Если, понятно, голодная.

И главное, как теперь Хоме с Сусликом дружить? От норы к норе перекликаться прикажете? Глупо.

Но друзья ведь не вчера родились. Нашли выход. Вернее, проход. Попросту вырыли подземный ход друг к другу.

Верно говорится, что нет худа без добра. Раньше у них по одной норе было, а теперь стало по две. У каждого. Это не считая подземного перехода.

А там, глядишь, и все стали так поступать. Зайцы, мыши, муравьи...

Вся жизнь, считай, под землю ушла. Всё подземными ходами изрыто: от одного мышиногo убежища — к другому, от второй муравьиной кучи — к первой...

Даже птицы свои гнёзда расширили, чтоб свои к своим хотя бы по ночам прилетать могли.

Ничего не поделаешь. Все же кругом свои, родные.

Правда, для этого потрудиться пришлось. С неба лишнее жильё не падает. Лишнее жильё только жульё задаром имеет!

Обо всём этом и судачили теперь в своих общих норах Хома и Суслик.

— Одним лишь рыбам хорошо, — завидовал лучший друг Суслик. — Плавают себе по ручью свободно. В любую сторону.

— Не скажи, — вздыхал Хома. — Ходят слухи, хотят ручей кольями перегородить.

— Но рыбий малёк-то пройдёт, — утешался Суслик.

— Пройдёт малёк, — кивал Хома. — Малёк пройдёт! Но мы-то так и состаримся.

— Да и пусть всё плохо, — заявил как-то Суслик, — лишь бы всеобщей драчки не было!.. Всё-таки за нас сейчас кто-то старается, за нас думает, нас бережёт.

— Кто? — выкрикнул Хома. — И от кого? Тебя от меня? Или меня от тебя? Нет, ты мне ответь, кто это меня бережёт? — гневно подступил он к Суслику. — Лиса? Волк? Медведь?!

— Тихо ты! — испугался лучший друг. — Услышат! Запомни, хоть наше дело и правое, наше дело — маленькое. Им, — он внушительно показал на низкий земляной потолок, — виднее.

— Глуп ты, дурачина, как говаривал мой дядюшка, — поостыл Хома. — Я теперь только одного не пойму: почему это Коршун в стороне остался и всё небо себе не захватил?

— С ним-то ясно. Не может он вечно летать. Где-то и садиться нужно. А гнездо у него в Медвежьей роще.

— Вот ты, я вижу, глазастый. С нами-то всё ясно, мы пропащие. А вот люди всё это безобразие потерпят?

— Какие ещё люди?

— Настоящие. Живые! Ты думаешь, что кроме нас, жалких подземных зверушек, сусликов всяких, никого

на свете нет? Людей нет? Думаешь, все они промолчат и смирятся с такой делёжкой?!

— Не думаю, — враз повеселел Суслик. — Я вообще редко думаю, — добавил он. — Но теперь-то, полагаю, люди не потерпят. Не таковские. Стóрожа в курятнике помнишь, когда мы с петухами вставляли? Он-то с ружьём!

— И при Собаке! — яростно подмигнул Хома.

А Суслик знай своё бубнит:

— С ружьём. Двуствольным. Жаль, у него третьего ствола нет!

— Недолго ждать осталось, — предсказывал Хома. — Скоро всё кончится.

Так оно вскоре и вышло. Настоящие люди прогнали хищников!..

Правда, те потом снова вернулись, но уже вели себя гораздо скромнее. Как и положено.

Суслик с Хомой теперь гордые ходят, будто победители. Но они хотя бы всё предсказали. Вернее, это Хома будущее угадал.

Слава Богу, сами-то уцелели. А кто уцелел, тот и прав. Такая история не раз в Истории случалась.

КАК К ХОМЕ РОДИЧИ ПРИЕЗЖАЛИ

С той поры слава о Хоме как предсказателе по всем окрестностям катилась. От одного к другому. От второго к третьему. И так далее. И даже дальше...

Многие к нему приходили и прилетали о своей судьбе узнать.

И Хома всем — зайцам ли, птичкам ли, мышкам ли, — здоровую, богатую, счастливую жизнь предсказывал. В будущем, конечно.

От этого слава его только крепла!

К нему даже один хомяк с Украины приезжал. Дальний родственник из ближнего зарубежья. Познакомиться захотел со своим знаменитым родичем.

— Хоть мы и дальние, — заявил он, — а всё же родственники. И внешне похожи. Во всяком случае, ты на меня, хохла, больше похож, чем на Лису, россиянку.

— Бегает она по росе, бегают, — не совсем понял его Хома.

— И пусть себе бегают. Я горжусь такой роднёй, как ты. Все о тебе замечательно отзываются!

— Это ещё заслужить надо, — поскромничал Хома. — А на это время нужно. К глубокой старости, может, и заслужу.

— Вот так бы всем, — воскликнул дальний родич, — до глубокой старости постараться такими благородными быть! А значит, всю жизнь! На это далеко не каждый способен. И близко — тоже. Вернусь, доложу своим: было кого побачить!

Хоме сразу захотелось браво плечи развернуть, но он вновь постеснялся.

Ведь главное не лихой вид. А хорошее поведение.

— А скажи, пожалуйста... — что-то мучило Хому, какой-то наиважнейший вопрос. — Сала привёз? — выпалил он.

— Чего о прошлом балакать? — виновато вздохнул украинский родич. — У нас сейчас с этим небогато. Я вот такусенький кусочек и то не удержался и по дороге съел. Журить меня будешь? — понурил он чубатую голову.

— За что, родненький? — ласково похлопал его по плечу Хома. — А как с природой у вас? Или повырубили на дрова всю нашу берёзу?

— Почему же — вашу? Она и наша. Что-что, а берёзу мы ещё имеем. Правда, негусто. А каштанов у вас нема?

— Ма! Тьфу ты, есть они. Целых два в роще!

— А они цветут?

— Ещё как!

— Красиво, — заулыбался гость.

— Красиво, — заулыбался хозяин.

Угостил его Хома на славу из своих богатых запасов. Если чего не хватало, у Суслика щедро брал. По-соседски.

Между прочим родич сказал:

— Мы там у себя думку гадаем. Честно скажу: затем и приехал, чтобы узнать. Соединимся ли мы когда-нибудь с вами?

— Когда-нибудь — соединимся, — так же честно ответил местный предсказатель Хома. Теперь уже международный.

— А если кто-то вдруг к вам от нас уйдёт, переедет?

— Если просто придёт, будет пришельцем. Если же приедет, будет приезжим. Мой дом — их дом. А Суслика дом — и подавно. Мы своим всегда рады!

— Благодарствую, — низко поклонился обрадованный гость.

— Вот сразу видно, что ты свой, — убеждённо сказал Хома. — А то тут недавно из американского штата Околохомы — как бы возле меня! — один хомяк прилетал. Тоже вроде бы родственник. Нижняя челюсть — квадратная, всё время жевательную резинку жуёт. А спесивый какой! «Прослышал, — говорит, — что вы все здесь бедствуете. Помогать вам, недотёпам, прибыл, советовать». Мешочек мне с хомонитарной, что ли, помощью привёз. Глянул я из любопытства. А там — какие-то иностранные орешки, попорченные заграничными мышами. Я ему

так и сказал: «Их что, до тебя мыши ели?» Он даже бровью не повёл. Это, мол, самолётные мыши слегка попортили. Он ведь в багажном отсеке

летел — из экономии. Так у них, в Америке, принято.

— Америка — это Америка, — заметил украинский родич. — А дальше что?

— Гулять отправился, осмотреться на месте. А я ведь его предупреждал, — смахнул невольную слезу Хома. — А он: «Ты мне тут не указывай. Мы, вольные американские хомяки, куда хочешь свободно ходим!» Не углядел я за ним. Съела его наша местная Лиса. Совершенно свободно. Вместе с жевательной резинкой.

— И не поморщилась? — ахнул гость с Украины.

— Поморщилась. Три дня плевалась! Наверно, слишком тощий. Моя вина — не откормил его как следует.

— Ты уж за мной присмотри, — прощаясь с молчаливым Сусликом, попросил Хома гость перед отъездом.

— Ты свой, — повторил Хома. — С тобой легче.

Проводил он его, со всеми предосторожностями от местных хищников, далеко-далеко — до ближайшей станции.

Оттуда гость с удобствами отправился домой в товарном вагоне.

— Смекалистый он, родич-то, — сообщил Хома Суслику, когда наконец домой вернулся. — В вагоне с сухим горохом укатил!

— Большой вагон? — деловито спросил Суслик. — Длинный?

— Очень! Отсюда и до ручья. Думаю, ему гороху на всю дорогу хватит. Умён!

— Весь в тебя, — хихикнул Суслик.

— Ну, на его месте и ты бы не промахнулся. Не поехал бы в вагоне с брёвнами, умница ты моя!

— Не поехал бы, — согласился Суслик, — даже и в вагоне с арбузами. Мне и здесь хорошо. С тобой.

— И мне тоже, дружище.

Что ни говори, приятно благородным быть. Милое дело!

КАК ХОМА ОСТРОВА ДАРИЛ

Однажды Хома целый остров Суслику подарил.

Это случайно вышло. Когда жара наступила, вода в ручье заметно осела. И недалеко от берега остров появился. Небольшой. Не намного больше самого Суслика.

Хома сразу тот островок углядел.

— Чур, мой! — воскликнул он. — Я его первый открыл!

Суслик, конечно, очень расстроился. Он бы и внимания не обратил на этот песчаный клочок, если б не Хома. С ним всегда так. Вечно из-под самого носа что-нибудь выхватить норовит. Горох, семена, корешки. А здесь целый остров отхватил! Обидно...

Посмотрел Хома на Суслика и усмехнулся.

— Завидуешь?

Суслик отвернулся и жалобно засопел.

— Ладно. Дарю его тебе, — великодушно сказал Хома.

— Весь? — растрогался Суслик.

Хома задумчиво промолчал. Это ему и в голову не приходило: весь или не весь.

— Целый остров? — настаивал Суслик.

— Угу, — нехотя буркнул Хома. Жалко теперь было отдавать целый-то остров.

— Громче, — попросил Суслик.

— Целый! — выкрикнул Хома.

— Насовсем? — не отставал Суслик. — Навсегда?

— Навсегда, — в сердцах сказал Хома. — Захочу, ещё подарю, если найду!

Довёл-таки его Суслик! Другой бы взял, что дают, и сказал бы спасибо. А этот, неблагодарный, своими рас-

спросами кого хочешь замучает. Любого заставит пожалеть о щедром подарке.

Так Суслик заимел, ни мало ни много, а свой остров. Ну, пусть островок.

Суслик в нём души не чаял. Бывало, разгонится, прыгнет на островок — и гордо стоит. Долго.

Жаль, что обратно прыгнуть не мог, разгона нет. Вброд возвращался.

Не узнать вскоре стало Суслика. По несколько раз в день, да и ночью, проверять бегал, на месте ли остров. Не затопило ли вдруг? Или, того хуже, не занял ли кто-нибудь?

А что, могут. Вон какая-то Ворона туда тайком не раз прилетала. После неё на песке следы оставались. Разве за ней уследишь? Ишь повадилась — чужой остров топтать!

Странно, пока островка не было, никто им не интересовался. А как только возник, поналетели, понабежали чужаки на готовенькое. То местная Сорока, то перелётная Чайка прямо в открытую сядет. А то и вездесущие воробьи его так облепят, что и песка не видно. Лягушки на нём отдыхать попривыкли, жуки разные тоже нахально лезут...

Пришлось там маленькое, но страшное пугало установить.

А как-то Хома весело сообщил Суслику:

— На твоём острове — тритоны!

— Три тонны! — оторопел Суслик. — Мусора?

В последнее время от разного мусора ему вообще житья не стало. Не успевал островок убирать. А течение всё подбрасывало ветки, тину, водоросли.

— Да не три тонны, а тритоны! — разъяснил Хома.

— Да хоть семитоны! — гневно сказал Суслик. — Нечего им на чужие острова зариться!

И побежал выгонять непрошенных гостей.

А какой крик
поднял Суслик, когда
Заяц-толстун однажды поут-
ру на островок прыгнул. Умыть-
ся там захотел. Хорош Заяц, его и пу-
гало не остановило!

Напрасно он оправдывался перед Сусликом:

— Здесь вода чище.

— Во-во, ты бы ещё и ноги помыл, — возмущался
Суслик, — на моём песочке!

Столько хлопот с этим островом! То и дело надо его
берега укреплять, чтобы не размывало. А тут ещё все,
кому не лень, туда лезут. Птицы — кормиться, лягушки —
отдыхать, зайцы — умываться!..

Хочешь не хочешь, пришлось Суслику свой остров из-
городью окружить. И даже проволокой опутать. Он её на
деревенской свалке нашёл. А куда денешься? С малень-
ким островом тоже заботы большие.

Ох и вид получился! Коля с проволокой, а за ними — страшное пугало!

Враз все вылазки чужаков прекратились. Да и сам Суслик прыгать туда боялся. Того и гляди, пугало поваляешь или на кол сядешь! Зато за остров теперь спокойно, никто не сунется.

Спокойно-то спокойно, а вот от ненастной погоды защиты нет. Ну, сейчас-то жара. А что делать, если дождик пойдёт? Ведь с дождями, если они зарядят, сладу нет. Возьмут и весь островок смоют!

Суслик уже всерьёз подумывал, как бы ему крышу над ним соорудить. Но ведь и с ней потом хлопот не обещаться. Ветром сорвёт осенью. А зимой? Нанесёт снегу, она и провалится. Непременно!

Вот и выходит, что о собственном острове только мечтать хорошо. А когда вдруг подарят, трудно придётся.

— Хорошо бы там нору себе выкопать. Да боюсь, вода просочится, — говорил Суслик своему благодетелю Хоме. — Признайся, жалеешь, небось, что остров мне подарил?

— Я тебя жалею, а на него мне начхать! — грубо ответил Хома, даритель островов.

— Не вздумай, — испугался островитянин Суслик. — Там сейчас так чистенько!

— Совсем свихнулся... — проворчал Хома.

А ведь сам виноват. Нечего островами разбрасываться! Их надо по-умному дарить. Умным.

Однако Суслик не таким уж глупым был. И простачком, наверно, только притворялся.

Пришёл как-то Хома на берег ручья. Глянул, а острова нет!

Подходит Суслик, сияет:

— Чего уставился?

— Куда остров дел? — спросил насмешник Хома. — Домой унёс?

— И как ты догадался! — оторопел Суслик. — Мудрый, — уважительно заметил он.

— С тобой станешь мудрым, — на всякий случай согласился Хома.

Он по-прежнему не понимал, куда подевался остров.

— Устал я от него. Надоело. Вообще снести хотел, пусть уж лучше никому не достанется! А потом подумал как следует и перенёс его вон туда, под куст, — беззаботно показал Суслик. — Всю ночь его перетаскивал!

Поглядел Хома. И правда возле знакомого куста песчаный бугор вырос. Совсем свежий. Раньше не было.

— Весь остров... перенёс?

— Весь. Пригоршнями.

— Целый остров?

- Целый, — широко улыбнулся Суслик.
- Насовсем? — не отставал Хома. — Навсегда?
- Временно. Пусть пока здесь полежит.
- Ну и ну! — ахнул Хома.

— Когда нужно, могу снова насыпать на том же месте. Или на другом. Мой остров! Где захочу, там и поставлю! — ликовал Суслик. — Ничего теперь с ним не случится. Всегда под рукой!

Наповал сразил Хому. До чего же хитёр Суслик! И впрямь протачком прикидывался.

- Хочешь, вновь его насыплю? — бахвалится он.

И давай обратно в ручей песок носить. На то же место, где раньше остров стоял.

Носит, носит, а всё пока без толку...

Не удержался Хома и помогать ему стал. Захотел поскорее увидеть, что из этого выйдет. Неужели вправду можно острова с места на место переносить, когда вздумается!

Весь песчаный бугор обратно перетаскали. Упарились. Но остров так и не появился из-под воды.

— Где он? — пыхтел Суслик, стоя по колени в ручье. — А может, не весь мой песочек взяли?

И озабоченно поглядывал на берег. Но там, рядом с кустом, уже яма виднелась — даже лишнего песка перебрали.

— Всё понятно, — наконец отдышался Хома. — Песок тяжёлый?

— Очень! — тяжело расправил плечи Суслик.

— Он тонет?

— Тонет.

— Значит, и остров наш утонул.

— Не наш, а мой! — и тут не уступил Суслик.

— Тогда сам за ним ныряй, — побрёл к берегу Хома. — Мне чужого не надо.

Так и пропал остров Суслика. От жадности Суслика.

Ни с кем не хотел он своим владением поделиться. И сам его потерял. Дари ему после этого целые острова!

Через месяц-другой Хома всё-таки сообразил, что тогда вышло. Они песок сыпали, а его быстрой водой уносило. Но ведь и приносило куда-то? Наверняка где-то внизу по ручью новый остров появился!

Однако Суслику про это он не сказал. Ясно, почему.

КАК ХОМА И ЁЖ СУСЛИКА ЛЕЧИЛИ

— **Т**ы Суслика не видел? — спросил как-то Хому в роще Заяц-толстун. — Что-то давно не встречаю.

— Утром забегал его проводить. Третий день лежит. Заболел наш Суслик, — вздохнул Хома. — Не встаёт наш друг.

Любил он тяжело вздыхать по любому поводу. А тут такой подходящий случай — болезнь Суслика.

— Чем заболел? — озаботился Заяц.

— Похоже, капустной лихорадкой.

— Чем? — удивился Заяц.

— Объялся Суслик, — мрачно сказал Хома.

— Чем? — заладил Заяц-толстун.

— Неужто не понял — капустой! Из деревни, с чужого огорода, здоровенный кочан прикатил и весь умял.

— Один?

— Ты про кочан или про Суслика? — терпеливо спросил Хома.

— Про обоих, — ответил дотошный Заяц.

— Тогда один. Один Суслик sloпал один кочан. Зато большущий! Ну, что тебе ещё? — раздражённо сказал Хома.

— Мне? Мне бы его аппетит, — позавидовал Заяц-толстун. — А ты ему ромашковый настой давал?

— Давал.

— И что? Встаёт?

— Лежит, болеет. Слушай, — оживился Хома, — пошли его вместе лечить.

— Ну, вылечим, а что он за это даст? Ведь кочан-то он уже съел! — хмыкнул Заяц.

— Другой тебе прикатит, побольше прежнего, — уговаривал Хома. Но не очень уверенно.

— Сомневаюсь. По пути съест и опять заболеет. Эта болезнь, видать, опасная — капустная лихорадка. Говоришь, тяжёлый кочан был?

— Тяжёлый. Потому он его и катил.

— Вот видишь, тяжёлый, — понимающе кивнул Заяц. — Значит, и болезнь тяжёлая. Долго катил? — внезапно спросил он.

— Ну, долго.

— Значит, и болезнь долгая. Тяжёлая и долгая. Заразная, — подчеркнул Заяц. — Я вот с тобой только поговорил про неё, а уже капусты захотелось. Нет, сам его лечи. Ты даже обязан. Он твой близкий друг.

— А ты не близкий? — возмутился Хома. — Друг, называется!

— Я далёкий друг. Я далеко от него живу, — снисходительно объяснил Заяц-толстун. — А вы с ним близко живёте. Вы самые близкие друзья. Ближе никого нет!

Делать нечего, пришлось Хоме самому пойти лечить близкого друга Суслика. Некого больше позвать, все друзья — далёкие. Далеко живут. Тот же старина Ёж — ещё дальше, чем Заяц.

Только о Еже подумал, а он тут как тут. Семенит навстречу.

— Привет, Хома!

— Привет! Слышал, Суслик наш заболел? — начал было Хома. — Я...

— Слышал-слышал, — перебил его Ёж. — Ты просто обязан Суслика на ноги поставить, раз ты с ним рядом живёшь, — внушительно заявил он. — Ты самый близкий друг.

И этот туда же! Сговорились они с Зайцем, что ли?

— Ну, ладно, я близкий друг. А ты кто?

— Я ста... — осекся Ёж.

— Старый друг Суслика! — подхватил Хома. — Старина Ёж! А теперь ответь, кто должен Суслика лечить: близкий друг или старый? Или оба вместе? — подсказал ему ответ Хома.

— Зато ты моложе, — запоздало опомнился старина Ёж. — На старости лет покоя не дают!

И заторопился дальше.

— Старые-то чаще болеют, чем молодые, — загадочно сказал ему Хома вслед.

Старина Ёж сразу остановился.

— Если я заболēju, никто меня лечить не будет? — осторожно спросил он. — Я правильно понял?

— Понимай, как знаешь, — туманно ответил Хома.

— И навещать не станут? — огорчился старина Ёж. — Меня, старого друга?

— Пусть тебя близкие друзья навещают. И старые, — проворчал Хома.

— У меня близких нету, — пожаловался Ёж. — А старые друзья, они очень старые. Плохо им ходится.

— Тогда пошли к Суслику, — сурово сказал Хома, — пока ходится хорошо.

Потоптался на месте старина Ёж и за ним двинулся. И нарочно прихрамывал, чтобы Хома понял, каких трудов ему это стоит.

А потом разошёлся, вперёд забега́л и приговаривал:

— Не забудьте и про меня, дорогие друзья, когда я вдруг заболēju. Разве можно так пугать старого друга?

Пришли они домой к Суслику. А тот на охапке сена лежит и тяжело дышит.

— Ещё жив, — промолвил старина Ёж.

— Ну, как мы себя чувствуем? — по-врачебному бодро и вежливо спросил Хома больного. Он это у доктора Дятла перенял.

— Спасибо. Помираю, — слабо ответил Суслик.

— Типун тебе на язык! — испугался старина Ёж.

— Я и так больной, — обиделся Суслик.

— Помолчите, больной, вам

разговаривать вредно, — приказал Хома и обернулся к Ежу. — Надо бы его дыхание послушать. Ты будешь проверять или я?

— Только не он, — пропищал Суслик, скосив глаза на Ежа. — Он колючий!

— Не дышите, — наклонился Хома и приложил ухо к его груди. — Замрите.

Суслик послушно замер.

— Теперь отомрите и дышите.

Суслик вновь задышал, как паровоз.

— Так, — удовлетворённо заметил Хома. — Жить будет.

— Как ты определил? — восхитился старина Ёж.

— Врачебная тайна, — важно сказал Хома.

— А всё-таки? — еле слышно спросил сам Суслик. Больной-больной, а интересуется.

— Много будете знать, скоро состаритесь, — пообещал ему Хома.

— Как я, — поддакнул старина Ёж. — Я быстро составил. Много знаю.

— Есть хотите? — заботливо присел Хома на постель рядом с больным. Надоело стоять.

— Да, — поспешно ответил Ёж.

— Нет, — буркнул Суслик.

Хома недовольно посмотрел на Ежа и снова повернулся к больному:

— А если подумать?

Суслик подумал. И тихо сказал:

— Вообще-то поел бы... Что-нибудь лёгкое...

— Хорошо. Второй капустный кочан съели бы? Лёгкий кочан, — уточнил Хома.

Суслик опять задумался. И сказал:

— Могу.

— Очень хорошо! — воскликнул Хома.

— А лёгкий кочан где? — повернул голову Суслик.

— Нет и не было, — довольно рассмеялся Хома. — Зато аппетит возвращается, на поправку идём.

— Издеваешься? — рассердился Суслик. Даже голос прорезался.

— Положено так. Доктор Дятел всегда у больных про еду спрашивает. Итак, — подытожил Хома, — придётся вам, больной, бросить все вредные привычки.

— Нет их у меня!

— Шутим? А кто большущий кочан капусты в оди-
ночку съел?

— Кто? — опять поддакнул старина Ёж.

— Ну, я... — нехотя признался Суслик.

— Вот вам и первая вредная привычка, — указал на него Хома. — Вредная для друзей — близких и дальних!

— И старых, — подтвердил старина Ёж. — Мог бы и нас угостить.

— Тогда бы и вы заболели... — простонал Суслик.

— Запомните, от чужого угощения никто не болеет, — усмехнулся Хома.

— Болеют — от своего! — снова подтвердил Ёж.

— Так что вашу вредную привычку обязательно бросьте, — повторил Хома.

— Ну и как я её брошу? И куда?

Нет, вправду больной он, Суслик. И надолго.

— Когда у тебя новый кочан будет, выбросишь нам его из норы, — посоветовал старина Ёж.

— Чего? — зашевелился Суслик. — Да я скорее вас обоих из норы выброшу!

— Гляди, действует! — засиял Хома. — А раньше плаш-
мя лежал. Вредную привычку не успел бросить, а уже заметно ожил.

— Отлично! С первой вредной привычкой мы разобра-
лись. — Понравилось Ежу больного лечить. — А вторая у
него какая?

— Вторая? Без спросу хватается всё, что плохо лежит!

— Но хорошо растёт, — поддержал Хому догадливый
Ёж, — если ты на чужой огород намекаешь.

— Вот именно. Зачем вы, больной, кочан капусты уволокли с чужого огорода? — по-прежнему вежливо пристал Хома к Суслику.

— У него своего нет, — внезапно вступился за больного Ёж.

— А вредная привычка есть? — настаивал Хома.

— А огорода нет, — упрямо повторил Ёж.

— Спасибо, старина, — тихо поблагодарил Суслик.

— Я потому тебя защищаю, что ты, возможно, и мне чего-нибудь с того огорода принесёшь, — честно сказал Ёж, — или прикатишь.

Суслик даже привстал от возмущения:

— Держи карман шире!

— Выздоровливает прямо на глазах! — приподнято сказал Хома. — Вон как его раззадорило!

Но Суслика раззадорило ещё больше, когда он неожиданно увидел Ежа у кладовочки с припасами. Тот уже и заветную дверцу открывал.

— А что, время обеда наступило, — невинно заметил он запасливому хозяину.

— Пора нам всем перекусить, — кивнул Хома.

До третьей вредной привычки Суслика они не дошли. Он сам дошёл. До точки.

Что тут началось!..

Суслик за ними с метлой допоздна гонялся! По лугу, по роще, по полю! Вмиг выздоровел.

Потом оправдывался, когда его наконец-то связали:

— Я просто хотел вам большое спасибо сказать...

Больше всего не повезло Зайцу. Он случайно Суслику под горячую руку попал и метлой по загривку получил. Нечего было бодренько спрашивать: «Уже выздоровел?» Сам убедился!

Старина Ёж и Хома с трудом доставили Суслика об-

ратно в нору. И бережно опустили на постель. Всё-таки недавно больным был.

— Хорошо, что мы к нему вдвоём зашли, — говорил Хома Ежу. — Я бы один не справился!

А связанный Суслик лежал и молча глядел — кричи не кричи, — как они уминают его запасы: горох, грибки, орехи...

Зайцу ничего не досталось. А впрочем, и ему досталось на орехи, да только не на эти.

Напрасно он заглядывал к ним в нору и униженно просил:

— Угостите друга...

Чего захотел! Угощение — только для близких и старых друзей. А дальнему другу — дальняя дорога!

Так считали Хома и старина Ёж. И сам Суслик с ними согласился, когда его всё же развязали. Ну, погорячился недавно. Бывает. Было и сплыло.

В конце концов кто его вылечил? За такое ничего не жаль! Пировать — так вместе. С настоящими друзьями!

КАК ХОМА И СУСЛИК СЛОВЕ НЕ ПОВЕРИЛИ

— Смешной ты, Суслик, как я погляжу! — сказал однажды Хома. Просто так, по привычке. Что-то они там не поделили.

Они часто спорили. По любому пустяку. Полезное занятие. В споре и лёгкие развиваются, и голос крепнет. Особенно, когда кричишь, из себя выходишь. Конечно, охрипнуть можно. Но это пустяки. Пройдёт.

Суслик ведь и правда смешной. Забывать стал, что на целых полгода младше Хома. У Хома опыта больше. Больше жил, больше видел.

И в этот раз, нет бы, промолчать Суслику. А он, напротив, завёлся.

— А ты ещё смешнее! — вскричал он.

— Я? — поразился Хома. — Смешнее? Смешнее тебя?!

— Смешнее!

— Да ты, если хочешь знать, смешнее всех на свете!

— А в темноте? — нахмурился Суслик. — Ночью?

— И в темноте тоже!

— Да меня в темноте и не видно!

— Не видно, — согласился Хома. — Но видно, что ты смешной.

— Не смешнее тебя! — разошёлся Суслик. — Все над тобой смеются!

— Не смеются, а улыбаются, — оскорблённо поправил Хома. — Все рады меня видеть. А так я вовсе не смешной.

— Нет, смешной. Пошли спросим, кто из нас смешнее!

Пришлось Хоме с ним пойти. А иначе как его убедить, что это он, Суслик, самый смешной?

Сначала они у Ежа спросили. Он старый, всё знает, всё понимает.

— Оба вы смешные! — рассердился он. — Пристаёте со всякими глупостями!

Ничего Ёж не знает и не понимает. Старый очень. Там болит, тут болит. Старым не до смеха.

Пошли затем они к Зайцу-толстуну.

Выслушал он их и задумался. Он полагал, что ему очень идёт задумчивый вид. Глубоко задумчивый. Он нередко задумывался глубоко в своей барсучьей норе. В ней когда-то барсуки жили.

— Ну, и кто из нас смешнее? — нетерпеливо сказал Хома.

— А что мне за это будет? — внезапно спросил Заяц.

— Морковка, — подмигнул ему Суслик. Хитрый, задобрить хотел.

— Я не о том. Но от морковки не откажусь. От большой. Или от двух маленьких, — добавил Заяц. — Я о другом. Мне от вас не попадёт? — беспокоился он. — Ну, скажу, что Хома смешнее, он же мне потом проходу не даст! А скажу, что Суслик ещё смешнее, он тоже обиду на меня затаит! Верно?

Ничего не ответили Хома и Суслик. Похоже, что Заяц по-своему прав.

— Вы лучше у кого-нибудь чужого спросите, — подсказал он. — У того, кому всё равно. А от меня ничего не дождётесь. Знаю я вас!

Серьёзное дело...

У Лисы не спросишь. У Волка — тоже. А у Медведя — и подавно.

Жаль, трусоват Заяц-толстун. Обижаться на него нельзя. Таким он родился.

— К Сове пойдём, — вдруг решил Хома. — Недаром её самой мудрой считают. Её и спросим.

— Но только не ночью, — испугался Суслик. — Ночью она видит хорошо!

— Смешной ты, Суслик, — привычно повторил Хома. — Мы днём спросим, когда она не опасная.

Пришли они к Сове в рощу.

Она в сосновом дупле жила. Невысоко над землёй. Удобно для них — орать не надо.

— Совушка! — учтиво постучал Хома палкой по стволу дерева.

— Чего? — глухо и сонно послышалось из тёмного дупла.

— Это мы, Хома-хомяк и Суслик. Ты ведь самая мудрая! Скажи, кто из нас смешнее, я или он?

— Залезайте ко мне, — хрипло предложила Сова, — а то мне вас плохо слышно.

— Плохо слышно или плохо видно? — осмотрительно спросил Хома.

— И не слышно, и не видно, — поспешно сказала Сова. — Как же я разгляжу, кто из вас смешнее?

Хома и Суслик переглянулись. Вон чего захотела! Захотела, чтоб они сами прямо в когти ей угодили!

— Слышит хорошо, — захихикал Суслик.

— Хорошо слышит, — засмеялся Хома.

А она знай бубнит:

— Заходите, гости дорогие. Я с вами живо разберусь!

— Мы лучше ночью зайдём, — усмехнулся Хома.

— Когда будешь видеть хорошо, — развеселился Суслик.

— Правда? — обрадованно откликнулась она. — Я вас с нетерпением ждать буду!

И даже из дупла высунулась, чуть не выпала. Вся растрёпанная, круглыми глазищами хлопает, клювом клцает. Загляденье!

— Жди-жди. Дождись! — И они, громко хохоча, домой побежали.

— Умная какая... — потешался Суслик.

— Заходите, гости дорогие, — передразнивал её Хома. — До чего же смешная! Смешнее всех на свете!

— А ночью — страшная, — поёжился Суслик.

— Всё равно смешная!

— Смешнее меня? — с надеждой спросил Суслик.

— Куда тебе до неё! — Тут Хома остановился и в упор посмотрел на него. — А я?.. Она смешнее меня?

— Ещё как! — воскликнул Суслик. — Животики над ней надорвёшь!

И опять расхохотался.

Встретился им Заяц-толстун:

— Были у Совы?

— Были-были, — ответили Хома и Суслик.

— И кто же смешнее?

— Сова, — дружно сказали они. — Сова смешнее!

Ах, как приятно узнать, что есть кто-то на свете смешнее тебя.

Хотя кое в чём Суслик прав: ночью она всё-таки страшная. И, конечно, лучше уж быть смешным, чем страшным. И днём и ночью!

КАК ХОМА СОБАКУ СЕБЕ ВЫБИРАЛ

Надоело Хоме бегать от Лисы и от Волка. Они ему даже по ночам неотвязно снились.

— Я себе собаку заведу! — решительно сказал он Суслику.

— Зачем? — удивился лучший друг. Он вечно удивлялся. Всеми.

— Охранять меня станет, — гордо ответил Хома.

— Большую собаку возьмёшь?

— Волкодава!

— Скажи, а Лисодавы бывают? — заинтересовался Суслик.

— По-моему, нет.

— Жаль, — огорчился Суслик. — Лису я больше боюсь. Она быстрее Волка!

— А какая тебе разница? Волкодав с Лисой одной лапой сладит!

— Тогда берём, — одобрил Суслик.

— Наконец-то спокойно спать смогу. Мою собаку все бояться будут!

— И я? — заранее струсил Суслик.

— Моя собака тебя никогда не тронет, — расщедрился Хома. — Ты свой.

— А где она жить будет? В нору к тебе она не пролезет.

— Я ей дом рядом с моей норой построю!

— Дом — не сможешь, — уверенно сказал Суслик.

— Тогда шалаш!

Если Хома что-то надумал — не остановишь.

— Идём в деревню, — зашепшил он, — собаку выбрать. Там их полным-полно. И почти все здоровенные. Быстренько найдём подходящую!

— А можно, она и меня охранять будет? — попросил Суслик.

— Можно. Только покрупнее для меня отыщи.

— Самую огромную! — заверил Суслик.

Хома шёл резво, будто на праздник. Суслик еле поспевал за ним.

— Ох, и жизнь у нас начнётся! — вслух размышлял Хома. — Хочешь — гуляй, хочешь — спи!

— И никто нас не тронет! — горячо подхватил Суслик. — Пусть только попробуют?!

А самому стало грустно, потому что Хома шёл искать себе нового друга. Верного, смелого и сильного. Где ему, Суслику, тягаться с Волкодавом?!

И все же... При такой собаке и впрямь никто не страшен. Дружба дружбой, а жизнь жизнью. Без собаки нынче не проживёшь. Даже люди, уж на что умные и могучие, и то не могут без собак обойтись!

Идут Хома и Суслик, размышляют... Луг прошли, рощу, Ближнее поле и Дальнее. Ни Лису не встретили, ни Волка. словно те уже знали, что они за огромной собакой идут!

Деревня показалась. Густой собачий перелай донёсся. Судя по всему, здоровенных собак в деревне и правда было великое множество. Есть из кого выбирать! Да вот страшно стало Суслику. С чего бы это?..

— погоди, — остановился Суслик, — а чем твою огромную собаку кормить? — Нашёл-таки вескую причину пойти на попятный.

Но Хома беззаботно ответил:

— Сама прокормится. Не маленькая. Волка съест, Лисой закусит. И вообще, нас тоже никто не кормит, а живём!

— А если собака на это не согласится?

— На что — на это?

— На то, что её кормить не будут. Давай всё-таки не огромную выберем, а просто большую. С ней хлопот меньше.

— Давай, — подумав, кивнул Хома. — Большую так большую. И большую все бояться будут.

Пошли они дальше. Но уже не так резво.

Собачий лай в деревне становился всё громче. Чем ближе подходили Хома и Суслик к деревне, тем медленнее они шли.

— А зачем нам большая собака? — вдруг сказал Хома, близкий собачий лай наконец пронял и его. — Возьмём среднюю. Средние — они тоже большие.

— Конечно, среднюю, — мигом поддержал Суслик. — Средние ещё злее!

Теперь Хома остановился. Суслик поглядел на него, затем — на деревню. И поёжился.

— Знаешь, лучше маленькую возьмём, а? — застенчиво предложил он.

— А какой от неё толк? Кто её испугается? — замялся Хома.

— Она сторожить будет, — убеждал Суслик, — лаять.

— Ладно, — проворчал Хома. — Значит, маленькую. Только учти, — сурово заметил он, — из всех маленьких нашу по голосу выбирай. У какой голос громче, заливис-тей, та и наша!

— Не волнуйся, — обрадовался Суслик, — выберу.

У заборов, где начинались огороды, они вновь остановились. Боязно было дальше идти.

— А ты это хорошо придумал, — храбрясь, сказал Хома. — Маленькую собаку и одним горохом прокормим.

— А давай-ка среди всех маленьких самую махонькую себе выберем, — неожиданно произнёс Суслик. Как бы невзначай.

— Что? — оторопел Хома и немедленно согласился: — А что? Верно! Ей и шалаш ни к чему. Сама в нору пролезет.

— Ага. Карликовую отыщем, — уточнил Суслик. — Она вместе с нами жить будет: то у тебя, то у меня.

— Карликовую, но громкую, — придиричиво добавил Хома.

— С громким голосом, — поддакнул Суслик. — Самым пронзительным!

— Чтоб в ушах от неё звенело! — повеселел Хома.

— У меня и сейчас звенит, — тревожно прислушивался Суслик к свирепой собачьей перекличке.

Потоптались они у забора, потоптались... Вероятно, каждый подумал: вдруг не они собаку выберут, а какая-нибудь собака их выберет. И не карликовая, не средняя, не просто большая, а самая огромная. Волкодав!

— Слушай! — внезапно засиял Хома.

— Давно слушаю, — беспокойно оглядывался Суслик.

— Да не собак, а меня слушай. Мы с тобой карликовую взять решили? Махонькую?

— Обязательно махонькую!

— А вообще-то зачем нам такая? Ну её! Мы и сами такие. Давай вот как, — оживился Хома, — когда ты ко мне заявишься, сам лаять будешь, сторожить. А когда я у тебя буду, так и быть, тоже полаю, посторожу.

Неизвестно, как воспринял бы это Суслик. Но тут из-за ограды выскочила взъерошенная, лохматая собака. Не огромная, не большая, не средняя и даже не маленькая. А махонькая, в самый раз. И до чего же звонкая! Не собака — мечта!

Она с пронзительным, залиivistым лаем бросилась к ним. И они стремглав, словно по команде, понеслись прочь. Домой. В свои бессобачьи норы.

Долго она за ними с громким лаем гналась. На их счастье, в густой траве отстала. Потерялась.

— Вовремя ты надумал — от махонькой собачки отказаться, — еле отдышался Суслик. Уже на своём лугу.

— Она разозлилась потому, что мы её не выбрали, — догадался Хома. — Нужна она нам! Недомерок какой-то. Ни ушей, ни хвоста!

— Ну, а лаять теперь друг у друга будем? — вспомнил Суслик. — Может, тогда сначала ко мне зайдём?

— Хитёр... Идём ко мне.
Полаешь и порычишь вволю! —
задабривал его Хома.

— Как-нибудь, в другой раз, — отка-
зался Суслик. Но вид у него был загадочный.

Хома не обратил на это внимания. И зря.

Разошлись они по домам. А поздно вечером, когда
Хома крепко уснул, в его норе внезапно раздался гулкий
истощный лай.

— Аааа! — завопил Хома спросонья.

Повезло ему, что это не карликовая злая собачка, а
сам Суслик появился. Обещал — пришёл. Приятно уди-
вить хотел.

Очень расстроился Суслик, когда Хома стал выгонять
его вон из норы.

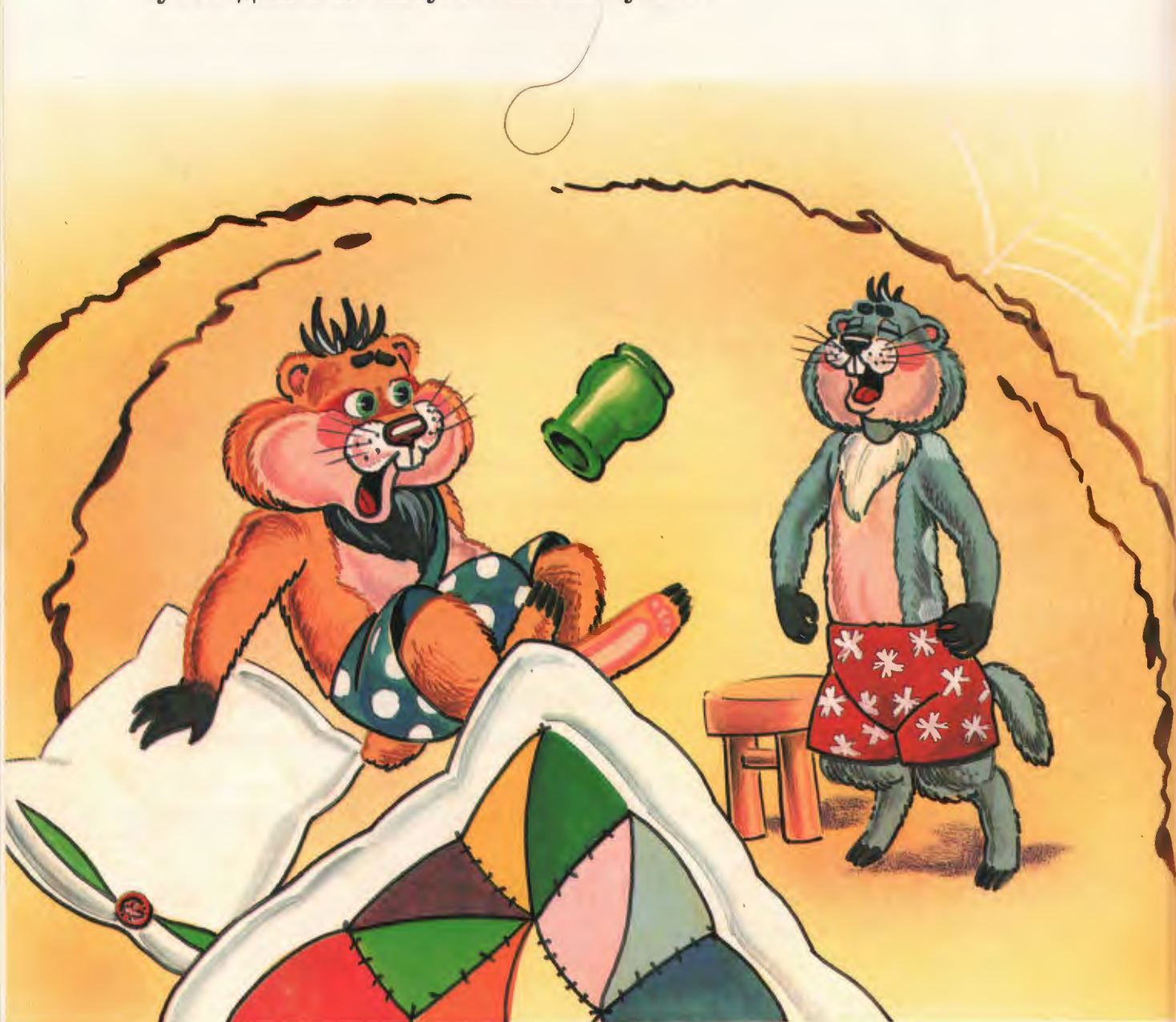
— Мы же договаривались. Ты же мечтал, чтобы соба-
ка твой сон охраняла!

Хома был неумолим:

— Свихнулся? Я чуть не оглох! Мы договорились о крохотной собачке, а ты лаял, как волкодав. Пёс его знает, кто ко мне ночью припёрся!

— Я не виноват, — пятился к выходу лучший друг Суслик. — Нора маленькая, потому и громко вышло. Да ведь ты сам хотел, чтобы в ушах звенело!

Ну и Суслик! Разве можно с ним собаку себе завести, пусть даже и самую махонькую?..

КАК ХОМА ЗАСТАВИЛ СУСЛИКА СОН ПЕРЕСМАТРИВАТЬ

Только рассвело, зашёл Хома к Суслику. По-соседски. А тот спит. Беспокойно спит, во сне стонет. И лапы у него подрагивают. Наверно, плохое снится. Гонится кто-то за ним!

Поглядел на него Хома. Призадумался.

Жаль, конечно, Суслика. Надо срочно будить, спасать, а не то его догонят во сне. И сцапают. И, возможно, съедят. Но тогда он и сам проснётся. Не такой он, Суслик, чтоб такое позволить!

Так что ничего страшного. Пусть поспит, побегает.

А поразмыслишь, всё равно будить надо. Он, Хома, уже встал, выспался, а Суслик, видишь ли, спит. Это очень раздражает, когда другие спят, а ты уже проснулся. Так и хочется разбудить!

Тут Суслик с облегчением вздохнул и счастливо заулыбался во сне. Ага, значит, спасся. Если бы за ним по-прежнему гнались, можно было бы и потерпеть. А теперь просто необходимо его поднять. Растолкать побыстрей. Ишь как радуется! Даже завидно. Нет, пора-пора будить. Хватит!

Но Суслик снова застонал и задвигал лапами. Снова убежать стал.

«Что, не вышло? Беги, беги, соня. Добегаешься!» — невольно подумал Хома.

Не стал он его будить. Любопытно всё же посмотреть, чем погоня закончится.

Пыхтит Суслик во сне — убегает. Разиня! Ведь только что, видимо, спасся и снова его врасплох застали.

Неожиданно Суслик опять притих и опять счастливо улыбнулся. Этого Хома больше вынести не мог. Здоров спать! Все давно проснулись, а он дрыхнет!

Хома решительно встряхнул его за плечо.

— А! — очумело раскрыл глаза Суслик и уставился на Хому. — Ты что, спасся? — вдруг

спросил он.

Вот чудак! Мерещится ему что-то спросонок.

— Да не я, а ты, — насмешливо возразил Хома. —

Это я хочу спросить: ну что, спасся?

— Я-то спасся, — наконец пришёл в себя Суслик.

— Ты разве не один был?

— Вдвоём, — кисло ответил Суслик.

— С кем?

— С тобой. С кем же ещё? Лиса за нами гналась! Сначала мы оба удрали, — начал Суслик. — Я обрадовался...

— Правильно, — выжидающе сказал Хома. — Видел я, как ты первый раз улыбался.

— А потом она опять за нами погналась, — продолжил Суслик. — Я удрал, а ты... — Он даже крепко зажмурился.

— Не открывай глаза! — в испуге прикрикнул Хома. — Спи дальше! И не просыпайся, пока и я не спасусь! Хитрый какой... — протянул он. — Сам удрал, а меня одного оставил?!

Суслик послушно повернулся на другой бок — сон досматривать.

— Не жульничай! Ко мне повернись, чтобы я всё видел, — потребовал Хома.

Суслик нехотя подчинился. Полежал, полежал. И снова робко открыл глаза.

— Не спится, — пожаловался он.

— Нет уж, спи. Спи, пока и я не спасусь!

— Да как же ты спасёшься, если она тебя... проглотила?

— Так вот почему ты второй раз улыбался!

— Я улыбался, потому что удрать успел, — бормотал Суслик. — Чего хорошего, если бы она обоих заловила?

— Сделай так, — беспокойно посоветовал Хома. — Давай смотри свой сон не с конца, а с начала. Но гляди, — угрожающе предупредил он, — смотри, чтобы я тоже увернулся. Пусть тебе весь твой сон переснится. А иначе, лучше и не просыпайся!

— Ну и жизнь, — заныл Суслик. — Нигде покоя нет. И во сне, и после.

— Спи! — закричал Хома. — А то и я сегодня ночью такой сон увижу, что тебе не поздоровится!

Это на Суслика сильно подействовало. Зажмурился он, задышал ровно-ровно. И быстро заснул.

То-то! Хома довольно усмехнулся. С ним по-хорошему нельзя. Он добрых слов не понимает. Мог бы и сам додуматься до того, чтобы свой жуткий сон пересмотреть. Каково там сейчас ему, Хоме, проглоченному Лисой!

Хома поудобней устроился на табуретке.

Спит себе Суслик. Спокойненько. Носом во сне посвистывает. Хорошо спит. Но ничего хорошего по нему не видно. Ни хорошего, ни плохого. И ничего ведь ему больше не посоветуешь: проснётся, а снова спать — не заставишь.

Полдня проспал Суслик. А Хома его сон караулил. Не заметил Хома, как и сам заснул. На табуретке.

Проснулся он оттого, что с табуретки упал.

Глядит — Суслик сидит за столом. Горох ест. То ли поздно завтракает, то ли рано обедает.

— Ну как? — небрежно спросил Хома.

— Что — как? — угрюмо переспросил Суслик.

— Спасся я или нет? — Вид у Хома был загадочный. Он почему-то явно повеселел.

— Ты-то удрал... — И Суслик умолк.

— Понял. Молчи, — странно улыбнулся Хома.

— Ах, я молчать должен? — занервничал Суслик. — Теперь Лиса меня проглотила! Всё ты! — осудил он Хома. — Заставил меня на свою голову сон пересматривать!

— Сам погибай, а друга выручай! Порядок, — одобрил Хома. — А вот мне приснилось, что мы оба удрали. Ясно?

— Мне-то другое снилось...

— Мой сон гораздо правдивее твоего, — бодро сказал Хома. — А чей сон правдивее, тот и прав.

— Докажи!

— А чего доказывать? — удивился Хома. — Мы оба здесь, в твоей норе. Живы-здоровы. Значит, оба спаслись!

Суслик, туго соображая, посмотрел на Хому. Затем хихикнул.

— А зачем же ты заставил меня мой сон пересматривать?

— Если бы ты не заснул, я бы тоже не заснул и свой сон не увидел. А так всё очень удачно вышло, — радовался Хома.

Он радовался вдвойне. И тому, что во сне у Суслика спасся. И тому, что в своём сне не оплошал вместе с Сусликом. В конце концов кто прав оказался?

Сны ведь могут далеко завести. Не вернёшься. Главное, не сдаваться и на своём настоять!

А вообще-то надо было Суслика сразу разбудить, когда он первый раз во сне улыбался. Справедливое это правило: сам проснулся, разбуди других. Нечего кому-то разлёживаться, если ты уже встал.

КАК ХОМА КЛАД ИСКАЛ

— **Ж**итья от Лисы нет, — непрерывно жаловался Хоме Заяц-толстун. — Замучила рыжая!

И на этот раз — встретил Хому и вновь принялся за своё:

— Как увидит меня, сразу гонять начинает!

— А когда не видит тебя, что делает? — загадочно спросил Хома.

— Всё равно по моим следам рыщет!

— Точно по следам? Или путь срезает? — пытался Хома.

Заяц расстроено шмыгнул носом.

— Точь-в-точь мой след повторяет.

— Это уже лучше, — таинственно заметил Хома.

— Кому? Ей? — невесело пошутил Заяц.

— Нам, — коротко ответил Хома.

— А ты тут, Хома, при чём?

— Хому она точно так же гоняет! — вступился за себя Хома.

— Слабое утешение, — пробормотал Заяц-толстун.

— Сильное, — возразил Хома. — Мы с тобой над ней сильно потешимся!

— Что? Где? — оживился дотошный Заяц. — Когда?

— Когда она в нашу ловушку попадёт! — воинственно сказал Хома.

Заяц недоумённо шевельнул ушами. Такими длинными, что они всю спину прикрывали, если он их к ней прижимал.

— В какую ещё ловушку?

— В такую, какую мы сделаем, — выразительно произнёс Хома. — Выкопаем глубокую яму и...

— И сами в неё попадём! — перебил его Заяц-толстун.

— Почему? — надулся Хома.

— Знаешь поговорку: «Не рой другому яму, сам в неё попадёшь»?

— Яму не рой — другому, — подчеркнул Хома, — а не другой! Вот Волк, он — другой. Медведь — другой. А Лиса — другая! Эта поговорка не про неё.

Заяц поскрёб задней ногой затылок.

— Ну, если так, тогда конечно...

— Конечно, так! И хлопот с ямой для Лисы меньше, потому что она сама меньше и Волка, и Медведя. Меньше рыть придётся, — путанно объяснил Хома.

— Не мельчи! Если уж копать, то копать глубоко, — завёлся Заяц-толстун, — чтобы Лиса вовек не вылезла!

— Да пожалуйста, — легко согласился Хома. — Я помельче яму вырою, а ты углубляй, сколько влезет.

— Вся влезет, — мстительно заявил Заяц. — Ещё и останется. А разве она не заметит нашу яму? — спохватился он.

— Мы её сверху прутьями и травой прикроем. А тебя для начала вкруголя запустим, — размечтался Хома.

— Зачем? — насторожился Заяц.

— Приманить Лису надо. Она по твоим следам пустится, а ты обежишь круг — и к яме.

— Провалюсь, — забеспокоился Заяц-толстун.

— Перепрыгнешь, — заверил Хома. — А вот Лиса точно провалится! — И заботливо посоветовал: — Перед тем, как прыгать, уши к спине привяжи, а то она тебя за них на лету схватит.

— Не на того напала! — расхрабрился Заяц. — Слушай, а что мы потом с Лисой делать будем?

— Суслику на воротник пойдёт, — щедро сказал

Хома. — Мне для него ничего не жаль. Даже Лисы. Пусть таскает такую тяжесть!

Яму решили рыть на окраине луга. Там уже подходящая впадина была.

Только принялись усердно копать — и нате вам! — Лиса их прямо на месте тяжкого преступления застала. Никуда не денешься: они внизу, она наверху. И когда она успела подкрасться? С одного на другого голодный взгляд переводит. Словно сравнивает: с кого начать, а кого на потом оставить.

Но тут её всё-таки любопытство разобрало:
— Вы что, клад ищете?

Хорошо, что Заяц, известный трус, на это не клюнул. Скажи он, что клад, она бы всё равно не поверила. Откуда здесь, на лугу, кладу взяться? Клады обычно в тайном

месте зарывают, в густом лесу. Хома прошлой осенью видел, как пришлый Кабан кучу жёлудей зарывал. Да и то — в самой чаще. Всего лишь какие-то жёлуди прятал, а не что-то немисливо ценное!

— Я кого спрашиваю? — нетерпеливо пролаяла Лиса.

И тут Хому осенило:

— Яму копаем для Волка. Волчью! Замучил серый!

Вовремя вспомнил он, как недавно у ручья Лиса и Волк поцапались. Она рыбу поймала, а он отнял!

И теперь, услышав про волчью яму, Лиса мгновенно смягчилась.

— Сразу бы сказали. — И прыгнула к ним. — Давайте рыть вместе!

Стали они втроем яму копать...

Лиса то и дело хихикала. Наверно, представляла себе, как Волк сюда загремит.

Хома был рад-радешенек, что пока так легко обошлось.

Заяц, конечно, тоже был

рад. И уважительно поглядывал на приятеля, не понимая, как это ему про Волка в голову пришло.

Но не было печали — внезапно и Волк появился! Не к добру вспомянули.

Выпучил он глаза на трёх замерших копачей и тоже спрашивает:

— Вы что, клад ищете?

Не хуже Лисы. Дался им этот клад! Будто ямы только в поисках клада роют.

Лиса хитро посмотрела на Хому, затем — на Зайца, и сладко ответила:

— Ловушку роем для Медведя.

Все знали, что Волк с Медведем не в ладах. Кто-то кому-то дорогу в лесу не уступил. Ясно, кто и кому. Волк — Медведю. Тот и помял его немного. Теперь при одном упоминании о нём Волк рычать начинал.

— Будем копать вместе! — прорычал он.

Стали копать вчетвером...

Жутко Хоме и Суслику. Если раньше хоть какая-то возможность была убежать, то сейчас и думать об этом забудь.

Копают они, копают. Особенно Волк старается — комья земли столбом вылетают!

— Чего кидаешься? — вдруг послышался грозный бас.

Бывают же такие совпадения! На краю ямы сам Медведь возник! Возможно, гулял и случайно сюда завернул. А может, издалека увидел, как земля фонтаном взлетает, и пришёл посмотреть поближе.

Он так и сел, увидав большую яму и четырёх, от мала до велика, землекопов.

— Вы что, клад ищете? — хрипло спросил он.

Эх, была не была! И Хома выпалил:

— Клад!

Зря говорят, что медведи неповоротливы. Словно небо обрушилось! Медведь махом отшвырнул в стороны Волка и Лису. И сам взялся за дело. Да как!

Хому и Зайца точно ветром сдуло. Тут же дали стрекача. Без особого приглашения.

С тех пор и осталась огромная ямища на окраине луга. В ней бы слон вполне поместился, да он здесь не водится.

А старательный Медведь, чтобы в дураках не остаться, всем говорил, что клад откопал. Но какой, умалчивал. Лишь важно кивал большой, умной головой. А большая голова, как известно, пустой не бывает.

Только большие ямы бывают пустыми. Но в этом самому убедиться полезно.

КАК ХОМА НАВЕРХ ЗАБРАЛСЯ

Правильно говорят, что если очень захотеть, любая высота покорится.

У Хома давняя мечта была — на берёзу залезть. Она посередине луга одиноко росла. Высокая, до небес. С неё, наверно, всё хорошо видно. И рощу, и поле, и то, что за ним.

Не раз Хома собирался на ту берёзу подняться. Два раза! Но каждый раз Суслик его отговаривал.

А перед третьей, решающей, попыткой он особенно наседал:

— Не жалеешь ты себя, егоза. А вот мне тебя будет очень жаль!

— Почему? — удивился Хома.

— Брякнешься — и готов! — У Суслика на всё был готовый ответ.

— А разве ты меня не поймаешь?

— Как же я тебя поймаю, если вдруг ты мимо пролетишь?

— А если не мимо? — пронзительно взглянул Хома на лучшего друга, угадав, что больше всего беспокоило Суслика: мимо или не мимо.

— Тогда... — пробормотал Суслик. — Тогда тебе меня будет жаль.

— Видишь, всё не так уж плохо, а ты за меня волнуешься.

— Я за себя волнуюсь, — потупил взгляд Суслик. — Я тебе не подушка, чтобы с такой верхотуры на меня падать. Сам лезешь, сам за себя и отвечай.

— Понял, — нахмурился Хома. — Значит, твоё дело — сторона?

— Ага, — просиял Суслик, — я лучше в сторонке постою.

Хома поглядел на Суслика безнадёжно и на берёзу полез. От него подальше.

Путь наверх оказался вовсе не трудным. Повсюду из ствола сучки выступают. Знай поднимайся, как по лесенке.

А потом и лучше пошло. Ветки появились — одна над другой. Лезь себе без остановки и вниз на Суслика не смотри, а не то голова закружится.

Суслик с тревогой следил, как Хома вверх карабкается. Понятно, Суслик не под самым деревом встал, а поодаль. Все хотят на мягкое упасть.

Хома, небось, только и мечтает, чтобы на него, Суслика, свалиться!

А Хома упорно лез и лез. Пыхтел и пыхтел. Не простое, выходит, дело. Чем выше, тем тяжелее. Берёза была какая-то бесконечная. Верхушки всё нет и нет...

«Может, её ветром отломило и унесло?» — беспокойно подумал он.

И крикнул, не оборачиваясь, Суслику:

— Погляди, верхушка на месте?

— Торчит, — откликнулся тот, — и мотается!

— Как это мотается? — сразу остановился Хома.

— Туда-сюда! — отозвался Суслик.

— Сильно мотается?

— Не очень!

— А я на ней удержусь?

— Удержишься. Если не сорвёшься! — подбодрил Суслик.

«Легко ему там, внизу, говорить, — сердито подумал Хома. — Не мог заранее предупредить, что верхушка качается! Я бы тогда не полез!»

Но пути назад не было. Перед лучшим другом опозоришься.

— В случае чего, всеми четырьмя лапами держись, — громко советовал снизу Суслик.

«И зубами!» — решил Хома, упрямо взбираясь выше и выше.

А вот уже и верхушка близко.

Хорош Суслик! Говорил, что она не очень мотается. Это как посмотреть. Если снизу, то, может, и слабо колыхнется. А если взглянуть вблизи, то ой-ёй-ёй!..

Нет, Хома раздумал на самую вершину лезть. Даже здесь, перед ней, и то раскачивает сильно. И так достаточно высоко забрался, пора и поглядеть вокруг.

Посмотрел он отсюда вдаль, даже пятки похолодели

от восторга. Диво дивное!
Зелёный луг, зелёная роща, зе-
лёное поле... Голубое небо, белые облака...

Кстати, облака были гораздо выше, чем он считал. Когда он с земли глядел, берёза макушкой за них задевала. А теперь облака так отделились, что ещё и другой берёзы не хватит, чтоб до них дотянуться.

Хома был на верху блаженства. Далеко всё видно, дальше ближней деревни!

Разных домашних животных увидел. Корова показалась ему величиной с овцу. Овца — с кошку. Кошка — с мышь.

А Суслик отсюда такой крохотный! Стоит, бедняжка, внизу. И ничего-то не видит из того, чем Хома любит. Правильно он сказал, что Хома его пожалеет. Жалко такого маленького Суслика.

Ох, а это кто из рощи выбежал? Длинный, серый, с хвостом. Прямо сюда спешит!

— Волк! Волк! — закричал Хома Суслику. — Беги! Спасайся!

Суслик быстро помчался прочь. Хома с облегчением увидел, как он скрылся в норе.

А Волк уже был около берёзы. Вовремя Хома друга предупредил. Стоял, растяпа, внизу, раскрыв рот, и ничего не видел вокруг. Беспременно угодил бы Волку на обед, если бы не Хома!

Покрутился Волк без толку возле дерева и, разочарованный, убежал.

Надо и о себе подумать, пока его нет. Хома тут же начал спускаться.

Хорошо, конечно, наверху побывать, но всё равно земля к себе тянет. Наверху долго не продержишься. Запросто вниз загремишь, когда цепляться устанешь. Лучше самому долго слезать, чем быстро падать!..

Страх перед Волком подгонял Хому. Иначе бы он и до вечера не слез. Будь его воля, он бы надолго на берёзе остался. Но вдруг Волк вернётся? Заметит его наверху и примется караулить под деревом. А он, Хома, не птица. Рано или поздно свалится — и готов, как говорит Суслик.

К счастью, Волк не вернулся. И Хома благополучно закончил своё восхождение. Вернее, снисхождение. Точнее, внизхождение. Неважно!

Важно одно — слез! И до чего же горд был, когда наконец на землю ступил! Не каждому удаётся на вершине побывать. Ну, почти на вершине.

Пришёл он, шатаясь от усталости, к Суслику. Вот, думал, будет радости!

А Суслик вместо того, чтобы горячо поблагодарить его за спасение, вконец расстроился:

— Ну зачем ты слез? Сидел бы себе на дереве и кричал бы мне о любой опасности!

Он, вероятно, решил, что Хома навсегда на берёзе поселился.

— Уж ты бы помолчал, — не сдержался Хома. — Кто меня лезть отговаривал? Если бы не я, кто бы тебе оттуда про Волка крикнул?

Суслик потерянно молчал. Против правды не пойдёшь!

Возможно, и в другом правда была. Если бы Хома на дерево не полез, Суслик бы внизу не стоял и не хлопал ушами.

Хома это потом понял. Не сразу.

Но главное не в этом. Если бы он высоко не забрался, он не увидел бы такого зелёного луга, зелёной рощи, зелёного поля и такого голубого неба с белыми облаками...

А Суслика, что ни говори, он всё равно выручил, но просто так — попутно. Большие дела без мелочей не бывают.

КАК ХОМА ЕЖА РАССМЕШИЛ

Сидел вечером Суслик у Хома. О чём-то спорили, над чем-то смеялись. Весело было.

— А почему Ёж никогда не смеётся? — вдруг задумался Хома.

— Старый он, — ответил Суслик. — Старость — не радость.

— Ну, молодым мы его сделать не можем. А вот как бы его рассмешить, чтобы ему хоть немножко веселее жилось? — пожалел Хома старину Ежа.

— Трудно, — заметил Суслик.

Но Хома зажёгся:

— Трудно не трудно, а надо постараться. У него и так жизнь невесёлая, колючая. Если мы его рассмешим, у него здоровья прибавится!

— А у нас? — на всякий случай спросил Суслик.

— Не убавится. Ты вон здоров как бык!

— У быка здоровья побольше, — заспорил Суслик. — Он больше меня, значит, и здоровья больше!

— Неплохо, — неожиданно похвалил Хома. — Давай для начала это ему и расскажем. Может быть, посмеётся над тобой.

— А разве я смешное сказал?

— По-моему, смешно, — серьёзно заметил Хома. — Мы на нём и проверим твою шутку.

— Ладно, — согласился Суслик. — Хорошо бы и другую шуточку про запас иметь. Вдруг он от моей не засмеётся. Давай-ка ты теперь пошути, — потребовал он.

— Я? Сколько угодно!

И Хома надолго умолк. Попробуй по заказу смешное сказать!..

— Ну? — настаивал Суслик.

— Пожалуйста, — наконец-то воспрянул духом Хома. — Обхохочешься! Встречает Козёл однажды Быка...

— Того самого, у которого здоровья побольше? — прервал Суслик. — Моего быка?

— Твоего! — взревел Хома.

— Продолжай, — охотно разрешил Суслик. — Значит, встречает Козёл однажды Быка Суслика. И что?

— Ха-ха-ха! — расхохотался Хома. — Быка Суслика! Ну и имечко у Быка!

— Я совсем другое хотел сказать, — нахмурился Суслик. — Козёл встретил моего Быка. Быка Суслика, понял? А имя я ему не давал.

— Всё равно смешно вышло, — вновь засмеялся Хома. — Бык по имени Суслик! Ну и шуточки у тебя!

— Да уж получше твоих! Я, выходит, уже два раза пошутил, а ты ни разу. Давай, что там дальше?

— Ну, встретил Козёл однажды Быка Суслика... — И Хома вновь закатился смехом. — Ой, не могу!..

Тут и Суслик не выдержал.

— Ха-ха-ха! — схватился он за живот. — Молчи, а то лопну!

— О чём смех? — с завистью спросил кто-то от порога.

Они обернулись. Оказалось, старина Ёж сам к ним пожаловал. Он всегда тихо приходил. Походка у ежей такая — бесшумная.

— Я к вам на огонёк заглянул. Ничего? — поскромничал он.

— Ничего, ничего!.. Садись! — наперебой загалдели они. — Послушай!

— С первой шутки начнём? Или со второй, запасной? — взглянул на Суслика Хома.

— Со второй, — задыхаясь от смеха, сказал тот.
И Хома начал:

— Встретил Козёл однажды Быка
Суслика...

— Ха-ха-ха! — всплеснул
лапками Ёж. — Ой, умру!
Мне нельзя, я старый!..
Ха-ха-ха-ха!

Пожалуй, он впервые
за последние
годы сме-

ялся. Да как! У него даже иголки посыпались из шубы. Лишние, самые тупые. Суслик потом проверял.

Целый час они хохотали, остановиться не могли. Как только Хома начинал свой рассказ, они начинали по полу от смеха кататься. Кстати, тогда Суслик и проверил, какие иголки из Ежа сыплются.

Так и не узнали Суслик и Ёж, чем закончилась встреча Козла с Быком. Пришлось по домам разойтись, а не то бы всем плохо стало. Да и час поздний...

Но здоровья у Ежа с того вечера явно прибавилось. Хома и Суслик заметили, что выглядит он теперь гораздо лучше. Улыбается. И ходит резвее.

Суслик спросил как-то у Хома:

— Ну и чем встреча Козла и Быка закончилась? Только не говори, что они поздоровались и разошлись, — капризно предупредил он.

— Тогда слушай. Бык спросил у Козла, почему у того рога длиннее?

— А разве они длиннее?

— У моего Козла — длиннее!

— У твоего Козла? У Козла Хома? — захихикал Суслик.

— Сам ты Козёл! — вскричал Хома.

— Да будет тебе известно, — гордо заявил Суслик, — моё имя быкам дают!

— Кто даёт?

— Да ты и дал. Козёл Хома, — затрясся от смеха Суслик и убежал, чтобы отхохотаться всласть, без помех.

По пути он встретил Ежа. И наверняка ему обо всём рассказал, потому что до Хома донеслись взрывы смеха.

Видать, и у Суслика после этого здоровья прибавилось. Как увидит Хому, так и хохочет. Остановиться не может!

А вот у Хома здоровья убавилось. Он долго хмурый ходил, пока всё не забылось. Смехачи какие! Им лишь бы хохотать. Ну, с Быком Сусликом — ясно. Смешно! А почему над козлом, какое имя ему ни дай, всегда смеются? Вот загадка!

Жаль, что Хома вскоре и сам забыл, чем встреча Козла с Быком закончилась. Может, узнали бы, и тогда бы старина Ёж совсем помолодел. Для чего всё затевалось?!

КАК ХОМА ЖИТЬ ЛЮБИТ

Забеспокоился Суслик. Хома пропал. Исчез. Словно сквозь землю провалился!

Суслик и под землёй, в норе, Хому искал, и на земле — в роще и в поле. Много дней разыскивал. Так и не нашёл.

Нет нигде!

Сам он, Хома, никуда далеко уйти не мог. Некуда.

Ни Волк, ни Лиса, ни Сова, ни Коршун тоже вроде бы не уносили. Суслик их всех спрашивал — издали. Все они наотрез отказывались от Хома. Тёмное дело. Попробуй проверь!

Долго Хома не было...

Наконец появился. Станный такой — весь ухоженный, умытый, причёсанный. С ленточкой зелёной на шее!

— Где ты был? — вскинулся столбиком у норы Суслик.

— Где я был, там меня нет, — пробурчал Хома.

— Что случилось-то?

— А то и случилось, соня. Похитили меня. Ухватили, украли, утащили!

— Кто?

— Школьники! Вышел я рано утром, а тут меня — рраз! — и сачком накрыли. Унесли и в «Живой уголок» поместили.

— А «Неживой уголок» бывает? — осторожно спросил Суслик.

— Бывает. Это когда из тебя чучело делают и в угол ставят.

— Почему меня? — помрачнел Суслик.

— Да разве тебя поймашь живьём! Кстати, я там, в

«Живом уголке», и Зайцеву тётку и твою тётку видел.

— Ну, моя там давно прижилась. Знаю. А кто ещё?

— Кот мышинного цвета.

— Мышиного? — оторопел Суслик.

— А то какого же! Его одними мышами кормят. Тёмно-серыми.

— Он что, мышей не ловит?

— Ему их школьники ловят. Сами. На сыр в мышеловках.

— Сказочная жизнь! — поразился Суслик. — И больше там нет никого?

— Ну, ещё семейная парочка морских свинок. Заморских, — уточнил Хома. — Такие гордые, словно баран с баранессой!

— Ух ты! — воскликнул Суслик. — А знаешь, как я был рад, когда тебя вновь увидел!

— Твоя тётка тоже мне была рада...

— Обрадовалась, что туда попал?

— Обрадовалась, что попался, — хмыкнул Хома.

— И как она там? — расспрашивал Суслик.

— Еле дышит. Необъятно толстущая!

— Кормят, значит, хорошо, — облизнулся Суслик.

— От пуза. Жареными семечками, спелыми орешками, зелёным горошком. Только глотай!

— Что же ты там не остался? — удивился Суслик.

Хома тоже удивлённо посмотрел на него. Так они долгое время смотрели друг на друга.

— Соскучился я по тебе, — в конце концов вымолвил Хома.

— А-а, ты за мной явился, — догадался Суслик.

— Не за тобой, а к тебе. И к себе, — устало заметил Хома.

— Сам же говоришь, кормят там здорово!

— Да разве кормёжка — главное?

— Конечно, — убеждённо ответил Суслик. — Главное — сытая безопасная жизнь! Дороже ничего нет. Всё так дорого, — пожаловался он.

— А воля? — Хома широко обвёл лапой и луг, и рощу, и поле, и всё, что за ним. И сладко прищурился. — Лучше воли нет ничего!

— А зачем голодному воля? — всё ещё сомневался Суслик.

— Если нет ничего, то лучше воли ничего нет! — Вот что Хома узнал в неволе.

— Не знаю, не знаю. Там-то, гляжу, поесть тебе вволю дают. А здесь тебя самого съесть могут!

— Тем более. Здесь не соскучишься!

— Ты так считаешь? — привычно спросил Суслик.

— А как ты считаешь? — рассердился Хома.

Сорвал с себя ленточку и повязал её на шею лучшему другу.

— Иди сам туда! — сурово показал правильное направление Хома. — Всё время прямо и прямо, никуда не сворачивай. Они тебя сами найдут, они сейчас меня ищут. То-то изумятся, когда получат вместо меня такого рослого Суслика с той же ленточкой. На пару твоей любимой тётке. А уж как она возрадуется! Будет тебя уму-разуму в школе учить!

От предстоящей учёбы, да ещё с тёткой, Суслика даже передёрнуло.

— За ленточку спасибо, — сдержанно сказал он. — А позаботиться я и сам о себе позабочусь. Никуда я не пойду.

— Почему же? — вновь хмыкнул Хома.

— А воля? Кто мне на неё глаза широко раскрыл! — Теперь уже Суслик широко повёл лапой вокруг. — Была бы воля, а пожевать всегда что-нибудь найдётся.

— Вот она, настоящая жизнь! — одобрил Хома. — Будь

моя воля, я бы со свободой никогда не расстался!

— До чего же я везучий! — внезапно просиял Суслик.

— Ты о чём?

— Никто меня не похищал, ниоткуда я не бежал, никто меня с сачком не ищет, а ленточка-то мне досталась!

Хома ничего не сказал.

— А как тебе убежать удалось? — запоздало спросил Суслик.

— Понятно. Хочешь точно так же удрать, если тебя заловят?

— Ага. А вдруг!

— Мой приёмчик тебе не пригодится, — усмехнулся Хома.

Оказалось, ему Сусликова тётка убежать помогла. Она-то давно там сидит, совсем ручная стала. Ей разрешают ходить, где вздумается. Все входы-выходы знает. А до чего же глупая, хоть и толстая! Поверила Хоме. Он ей напел, что непременно вернётся вместе с лучшим другом Сусликом. С её дорогим неучёным племянником.

— И ты обманул мою тётку, доверчивую такую!

Смешной он, Суслик. Неужели и правда готов он был променять привольную жизнь на сытый угол? И на ленточку. Пусть и зелёную.

Зелёная ленточка — это тебе не зелёная трава. По траве босиком бегать можно, совершенно свободно. А ленточка, она ведь на шее висит. Как ошейник!

СОДЕРЖАНИЕ

Как Хома с Гусем лапчатым расстался	3
Как Хома друга выручил	8
Как Хома шляпу носил	14
Как Хома творил	19
Как Хома и Суслик путешествовали	23
Как Хома будущее предсказал	28
Как к Хоме родичи приезжали	35
Как Хома острова дарил	39
Как Хома и Ёж Суслика лечили	46
Как Хома и Суслик Сове не поверили	55
Как Хома собаку себе выбирал	60
Как Хома заставил Суслика сон пересмат- ривать	67
Как Хома клад искал	72
Как Хома наверх забрался	78
Как Хома Ежа рассмешил	84
Как Хома жить любит	89

Иванов А. А.

И 19 Большое путешествие Хомя и Суслика/Худож. А. Бушик. — Мн.: БелАДИ, МФЦП, 1997. — 96 с.: ил.

ISBN 985-6319-03-X.

В книгу известного писателя вошли новые сказки о приключениях уже ставшего знаменитым хомяка Хомя, его лучшего друга Суслика, их приятелей — старины Ежа, Зайца-толстуна, доктора Дятла и их врагов — проворного Волка, коварной Лисы, Совы лупоглазой, Филина-полуночника и зоркого Коршуна. Эта книга, являясь продолжением таких сборников, как «Весь мир — моя нора», «Приключения Хомя и Суслика», «Как Хома звёзды спасал», «Новые приключения Хомя и Суслика» и других, — тем не менее совершенно самостоятельное произведение, состоящее из отдельных, законченных сказочных историй.

Озорные, неистощимые на выдумку, по-настоящему смешные герои Альберта Иванова знакомы детям и взрослым и по ряду мультфильмов: «Приключения Хомя», «Страшная история», «Раз — горох, два — горох», «Клетка».

И 8820000000

ББК 84Р7

Литературно-художественное издание
Альберт Анатольевич Иванов
БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ХОМЫ И СУСЛИКА

Главный редактор *Е. Знак*
Художественный и технический редактор *Г. Емец*
Корректор *М. Ходыко*
Изготовление оригинал-макета *Л. Никулина*

Подписано в печать с оригинал-макета 25.07.96. Формат 84х108 1/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08.
Усл. кр.-отт. 40,32. Уч.-изд. л. 6,17. Тираж 15000 экз. Заказ 2092.

Издательство БелАДИ. Лицензия ЛВ № 1165. 220026, Минск, ул. Грекова, 23.

Минская фабрика цветной печати Госкомитета Республики Беларусь по печати. Лицензия ЛВ № 235. 220015, Минск, ул. Корженевского, 20.

Отпечатано на Минской фабрике цветной печати Госкомитета Республики Беларусь по печати. 220015, Минск, ул. Корженевского, 20.

P 15000

Дорогие ребята!

*Удивительные приключения Хомы и
Суслика на этом не кончаются. Они про-
должаются в новой книге замечательного
сказочника Альберта Иванова «Великая
тайна Хомы и Суслика», которая скоро
появится в продаже. Эти сказки также
нигде ранее не печатались. Никогда не
унывающий Хома любит повторять: «Со-
мной не соскучишься!» Надеюсь, что и
вам с ним скучать не придется.*

*До новых встреч с вашими
любимыми героями!*